

Виктор Кукушкин

Виктор Юрьевич Кукушкин

Небесная Канцелярия 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55349779

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93222-7

Аннотация

Человек не умеет пользоваться своим организмом, нарушая главное правило: «делай, что нравится – это полезно!» Люди достигли такой степени извращенности, что им стало нравиться, что по всем законам природы не должно нравиться, что вредно! Но – инструкции дают тем, кто пользуется, а не тем, кем пользуются! Утюгу не дают инструкций, их выдают пользователю утюга.

Во второй книге главного героя ждет уже не небесный, а земной суд. Представители Канцелярии, чувствуя несправедливость, спешат на помощь. Из-за сбитых настроек вновь плутают во времени, пока не попадают в современную Москву.

С посланниками из Канцелярии опять бежит неподконтрольный отлученный от дел. В этот раз после прибытия он вселяется в тело начальника исправительной колонии, где Кирилл отбывает наказание. А тут ещё молодые посланники Канцелярии вышли из-под контроля, исчезнув в районе Неглинной.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	38
Глава третья	69
Глава четвёртая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Виктор Кукушкин

Небесная Канцелярия 2

Глава первая

1

Где я? Неважно. Успокоил. И стал убивать время. Или уже убил? Почему люди убивают время? Может, потому что времени нравится, когда его убивают?.. – и оборвалось... прозвучало эхо пустоты, унеслось куда-то по пространственному коридору – передача носителя информации, или просто информации без носителя. Потом всё схлопнулось.

Зачем путь в никуда, день, когда ничего не происходит, год без открытий? Где-то что-то потеряно. Должен же быть выход? Нет времени на поиск. Сколько осталось времени? Нужно срочно найти время! И понять.

Наматывание, наматывание мыслей, а голос в стороне что-то шепчет.

Что-то потеряно, какие-то связи. Количество боли меняется в зависимости от количества воспоминаний.

И всё начинается заново. Зависимости уже другие.

Что-то становится понятно, но что-то потеряно, – вот он

источник боли!

Люди в белых халатах, возможно, их отражения – зеркала ещё не завешаны. Увидеть бы своё отражение. Нужно! Внешность подскажет, поможет понять. Вспомнить.

– Возможно, это новое рождение? Тогда почему сразу стал мыслить, осознавать своё «я»?

– Тебе лучше этого не знать. Чтоб без неожиданностей. Даже странно – задаёт такие вопросы. Будем пока его использовать втёмную, под наркозом, так безболезненнее.

– Я всё слышу. Для кого безболезненнее?

– Для тебя. Для нас просто удобнее.

– Послушайте! Вы у меня брали разрешение на наркоз? Моим мнением интересовались?.. Эй... Почему человек так мало живет?.. почему... так мало?..

– Мало? Да, мало. Не умеет ценить время, никогда не умел. Вот и отнимают время, чтоб учился ценить.

– Не научился ещё?

– Нет.

– Но есть же те, кто умеет ценить время. Их-то за что?

– Заблуждаешься, у них не отнимают.

– Спасибо за информацию, не знал. Можно принести зеркало? Хочется на себя посмотреть.

– Зеркала запрещены. На всякий случай. У вас зеркала тоже иногда покрывают. Хотя неизвестно, почему здесь запрещены. Не мы запрещали.

– Так хочется посмотреть на себя, хотя б разочек. Я что, умер?

– Говорят же, зеркала запретили на всякий случай. Ты тут ни при чём.

– Вы меня просто жалеете.

– Зачем тебе наша жалость, если ты непонятно кто непонятно где?

– Действительно, зачем? То есть?! что значит непонятно кто?..

– Вопрос решается.

– Почему в такие минуты человек начинает походить на ребенка?

– Возможно, это уже подготовка к новому рождению? У природы всё устроено очень разумно.

– Получается, болезненное восприятие детьми смерти связано с их недавними воспоминаниями?

– Баран да овца, да опять с конца. Не слишком ли много вопросов? Почему наркоз до сих пор не действует?

2

Лифт поднимал его куда-то вверх. Подъём длится довольно долго. Стоя в темноте, Каркушин с волнением слушал гулкую работу скрипучих механизмов. Редкие всполохи света освещали наряжённое ожидание. Наконец, двери лифта открылись, и в глаза ударил яркий неземной свет.

– Стойте пока здесь, пойду доложу, – сказал охранник на

выходе. В прошлый раз охранника здесь не было. То, что это был охранник, а не чиновник, Кирилл определил по одежде. Таковую здесь носят только черви – длинный плащ с капюшоном, но в этот раз белый, а не черный.

В коридоре по заведённой традиции в глубокой задумчивости – несколько сотрудников со знаками отличия в виде звёздочек, небесных звёзд.

Начальник Канцелярии в грустном ожидании вытирал пыль со скелета доисторического животного. Возле двери в замочную скважину подглядывал секретарь.

– Не будем пока проявлять интерес, – кивнул начальник, – делаем вид, что ничего не происходит.

– Делаем, – согласился секретарь и, приоткрыв дверь, стал наблюдать через щель.

– Заметят, – забеспокоился начальник.

– Не заметят, – заверил секретарь.

Чиновники в коридоре сделали вид, что не заметили, для надёжности даже отвернулись в другую сторону.

– Вселенная, в том числе и малая её часть, наша Галактика – благодатный заброшенный уголок, – вздохнул начальник, рассматривая в лупу зубы скелета. – Именно потому и благодатный, что заброшенный, без вмешательств извне. Во вмешательствах ничего хорошего нет, если только организм, куда вмешиваются не в коме и не в болезни. Тогда есть смысл вмешиваться. На самом деле в любом уголке, в любой ча-

стичке Вселенной теплится жизнь. Не нравится – отойди за линию горизонта, найди близких по духу – и обретешь счастье. Не хотят!.. Чего они так долго?

Из-за угла вынырнул охранник, с трудом затормозив у двери, негромко сообщил в щёлочку:

– Доставили, ждёт. Из лифта пока не выпускаем.

– Собирайте заседание! – оживился начальник.

– Всех гнать на заседание? – уточнил охранник.

– Гоните всех, – через щель приказал начальник.

Невозмутимо стоявшие чиновники Канцелярии после этих слов сами поспешили в зал заседаний.

3

И вновь звонок в зале заседаний.

– Уважаемое Высокое Собрание, извольте видеть: перед вами опять тот же тип собственной персоной, Каркушин, вернулся, можно сказать, волей случая как мы и предполагали.

– Вернулся, скорее всего, не без вашей помощи, – ответил Кирилл, ему было грустно.

По залу прошло недоумение:

– Конечно, не без нашей. Мы ему даже помогли. Спасти. Устроить такую бойню с привлечением силовых структур из разных ведомств. Надолго запомнят!

– Потому и бойня, что из разных ведомств, – улыбнулся начальник.

– Засекретят, – послышалось в зале. – Кому надо, запомнят. Столько внимания к собственной персоне

– Это вы называете «спастись»? – вяло ответил Кирилл. – Никто вас не просил меня забирать, помочь просил, забирать – нет. Проторчал из-за вас во внеурочное, кто знает сколько времени...

– Помолчите, пожалуйста!.. – перебил начальник. – Ворчать он вздумал. Скажи спасибо, что во внеурочное. Многие всю жизнь в безурочное торчат и ничего. Он так и не поменял своего поведения. Наверное, чтоб человек изменил своё поведение, нужны не просьбы, уговоры или разные там нравоучения, а потрясения, глубокие потрясения! Только так до них может дойти. Тогда может задумаются?

– Не дойдет. Не задумаются, – ответили из зала. – Потрясения на них уже не действуют.

– Не отправлять же его как всех по этапу? – сказал начальник. – Было бы большой глупостью с нашей стороны, памятуя проделанное и такой опыт. За прошлый опыт, когда его возвращали, кстати, не было никаких последствий.

– Может, ещё будут? – предположил советник, лишённый полномочий.

– Когда будут, тогда и думать будем, – добавил новый советник. Их обоих Канцелярия отправляла, чтобы вернуть Каркушина обратно.

– Может, и не будет, – сказал начальник. – В общем, Кирилл Карлович, вы, конечно, наломали дров. Мы, конечно,

хотим вам помочь. Человеку всегда почему-то хочется помочь, такое уж человек создание. Даже самый отъявленный преступник не сделает вам ничего плохого, не совершит против вас преступлений если увидит в вас человека!.. К тому же, Кирилл Карлович, вы умеете держать язык за зубами. Не всегда справляетесь с ситуацией, это понятно, организм вам неподконтролен, но язык за зубами держать умеете.

– А кому он подконтролен этот организм? Даже сон, не то что преступник, и тот может вырубить, – вздохнул Кирилл. – О чём вам и через машину и пытался объяснить. Даже разговаривать не стали. Раз уж неподконтролен, может, ну её всякую ответственность? А потом, когда столько энергии... затмевает... Ваши инстинкты действуют иногда вопреки логике.

– Вопреки вашей логике! – перебили из президиума. – С нашей логикой всё в порядке. Молчите лучше про эту вашу энергию. Из любого вещества, имеющего массу, можно извлечь энергию! Вопрос – зачем? В вашей ситуации лучше б её совсем не извлекать.

– Я ж говорил: не даёте инструкций! – возразил Кирилл. – Живем в темноте. Девяносто пять процентов вокруг, вообще, темная материя, жена недавно сказала, она у меня физик.

– Это мы не даём инструкций? Ещё как даём!.. – возмутился Судьбист в конце зала. – Вы их просто не читаете.

– Будем читать!.. – заверил Кирилл. – И где они, эти ваши

инструкции?..

– Сеченов, Павлов!.. Бехтерев Владимир, Наталья Бехтерева, – вам ещё имена назвать, сумевших прочесть наши инструкции?.. точнее даже, свои инструкции. Разучились прислушиваться к внутреннему голосу, затыкаете рот интуиции. Обидно такое слушать, особенно от вас. Если б вы знали, уважаемое Собрание, сколько подобных претензий. Иногда думаешь, лучше б совсем не связываться. И вообще, в чём, уважаемое Собрание, претензия? Не выдаем инструкций пользования собой, не ограничиваем свободу пользования собой? Это плохо? И потом, какие могут быть инструкции, если главное правило, на котором строится базовая часть всех инструкций, чаще всего и нарушается?

– Что за правило? Вот здесь можно поподробней, – попросил Кирилл.

– «Делай что нравится – это полезно» – вот главное правило, – проинформировал секретарь.

– Почему нарушается? Очень даже не нарушается! – возразил Кирилл. – Правда, не у всех и не всегда есть такие возможности его не нарушать. Нам бы ещё побольше возможностей!

– Очень странно не нарушается, – возмутился секретарь. – Вам стало нравиться то, что по всем законам природы не должно нравиться! Достигли такой степени извращенности, что стало нравиться то, что вредно! И наоборот, от видимой пользы бегут. Так далеко ушли от себя, что растеряли все

установки.

– И всё это покрывала любовь, – вздохнул начальник.

– Чтоб ими управлять, им дали чувство удовольствия. Ешь – получай удовольствие. Продолжаешь род – получай удовольствие. Спорт, необходимость держать себя в форме – удовольствие. Развитие мысли, сознания – радость познаний и открытий. Радуйся, совершенствуйся, созидай что-нибудь в конце концов. Насколько известно, одно время они шли за удовольствиями. Что-то сломалось.

– Любовь слепа, – вздохнул начальник.

– Сломалось, – подтвердил с задних рядов Судьбист. – Вышли из-под контроля, возомнили о себе непонятно что, напридумывали много других удовольствий, наших им стало мало, поверили в свою исключительность, отказались от ограничений, сошли с колеи. Потому и сбои, и разные там психические отклонения. Теперь не факт, если человек получает удовольствие – это хорошо и полезно. Может наоборот, вредно. Строго конфиденциальная информация.

– Понимаю, – кивнул начальник Канцелярии. – Ты ничего не слышал, – добавил он в сторону Каркушина.

Кирилл решительным кивком заверил.

– Вот оно их наказание, – вздохнул начальник.

– Всё имеет обратную сторону, – попытался ответить за всё человечество Кирилл. – Стремление к совершенству тоже может обернуться саморазрушением, иначе не понять, чего избегать, а к чему стремиться. Хотя бы подсказывали.

– Вы ж не слушаете! Даже сейчас ищет оправдание своему поведению. И во всём так, – возмутились чиновники, – вместо того, чтоб провести глубокий анализ и повиниться.

– Так оправдание поведения и есть результат глубокого анализа! – возразил Кирилл. – И вообще, цивилизация уже давно ушла далеко вперед, кое в чём и мы смогли разобраться, не во всём, правда, признаю. Отдали б весь контроль в наши руки.

– Чтооо?! Хватит демагогии!.. Уважаемое Собрание, срочно нужно принимать решение! Что скажете?

– Что тут говорить? Всё ясно. Раздули из мухи слона. Велика честь для мухи! – посыпалось с разных сторон. – Лишить вообще всех удовольствий. Пусть в муках и в поте лица... Дезодоранты пока можно оставить, чтоб меньше воняло.

– Что ещё хочет сообщить Высокое Собрание? – перебил начальник.

– Высокое собрание хотело бы посоветоваться, – сказал секретарь.

– Высокое собрание удаляется на совещание! – объявил начальник.

И все, кто был в помещении, все, кроме Каркушина и Судьбиста в конце зала вышли. Судьбист тоже хотел выйти, но как бы случайно задержался и посмотрел на Кирилла.

– Не даём инструкции пользования собой? Нонсенс, – вздохнул Судьбист. – Инструкции дают тем, кто пользуется,

а не тем, кем пользуются!

– В смысле? – растерялся Кирилл.

– Поясню на примере. К примеру, есть такой предмет уютюг.

– Есть, – согласился Кирилл, – знаю.

– Им пользуются, – пояснил Судьбист. – Зачем ему инструкции?

– Мне тоже не нужны инструкции от уютюга, – сообщил Кирилл.

– Понятное дело, – вздохнул Судьбист. – Пойду я.

4

Генерал должностью старше зашёл в кабинет к генералу должностью младше.

– Сиди-сиди, косточки вышел размять. Слышал там, за океаном, Каркушина признали чуть ли не главой русских хакеров, требуют выдачи. На нет и суда нет.

– Кстати, нашелся он.

– Да ну!

– В коме.

– Давно?

– С тех самых пор. Отключать уж хотели, дал команду подождать. Хотел вам доложить.

– Правильно, отключить всегда успеем. Думаю, миф про хакеров надо поддержать. Такие деньги можно сорвать с его мнимой угрозы, никто ж кроме нас не знает, что мнимой.

– Там бюджеты немалые! – согласился генерал должностью младше. – Будем противодействовать, чтоб измотать врага?

– Засекретим, чтоб самим не измотаться. Сколько ещё таких Каркушиных в мутной воде, если подумать. Знал бы он, сколько денег вокруг него крутится.

– Ему лучше не знать.

– Медаль ему, когда всё стихнет.

– Посмертно?..

– Родственников оповестили?

– Только после вас.

5

Ближе к вечеру Аня с мамой вышли на огород дачи. Аня села под яблоней с книгой, София Фёдоровна пошла по грядкам с шлангом поливать огурцы.

– Лето никакое, холодное. Поливай не поливай, огурцы совсем не растут, – вздохнула София Фёдоровна.

– Добрый день, хозяйюшки! – в заборе показалось довольное лицо участкового.

– Добрый ли? – вздохнула София Фёдоровна.

– С вас за воду ещё не берут? Ко мне приходили, счётчики подключать надо, – зачем-то сообщил участковый.

– Пугало надо в огороде ставить, горох созревает, птицы склюют. Сможем ли без мужика? – поинтересовалась у Ани София Фёдоровна.

– Могу помочь, у меня и ненужная оде́жа есть, – предложил участковый, – казенная. Всё равно моль съест.

– Неси, если казённая, – согласилась София Фёдоровна.

– Я чего пришёл-то? – обрадовался участковый. – Нашли вашего зятя и мужа вашего нашли! Требуют опознания. По линии ФСБ бумага пришла.

София Фёдоровна как стояла, так и села в грядку.

– Живой он, живой, – сообщил побледневшим женщинам участковый. – В больнице под наблюдением, потому и не слышно было. Может, и не он вовсе. Ехать надо, смотреть.

София Фёдоровна перенаправила струю из шланга на участкового.

– Я, между прочим, при исполнении, – обиделся тот.

– Будешь выражаться точнее. Чуть инфаркт не хватил.

– Постоянно дергают с этим, с вашим... Самому кондрашку можно схватить. Заставлю оде́жу стирать, – проворчал участковый.

– Уже постирана. Ещё?..

6

Консилиум врачей в палате Каркушина топтался на месте.

– И что?.. Аппаратура и та вырабатывает свой ресурс.

– Ни туда ни сюда, ни ухудшения, ни улучшения.

– Сколько можно его хоронить? – речь белых халатов перешла на шёпот.

– Несмотря на то, что уже очередь из пациентов, не он

один нуждается в дорогостоящем оборудовании, другого такого оборудования, как понимаете, у нас нет, больной пока останется здесь, в этой палате. Судьба сама указывает, кому пользоваться, кому нет. Алгоритм судьбы нам неизвестен, – заключил главврач.

– Мне вчера приснился сон, мерзкий такой сон, будто мы не врачи вовсе, а могильщики, – отступая в сторону, шепнул один из врачей другому. – И не халаты на нас, а тёмные робы какие-то. Только на лицах марлевые повязки, но они уже выполняли другую функцию – чтоб не узнали. Хоронили этого пациента. Собрались закапывать, нервная обстановка, все чего-то боятся. А он вдруг вскочил и бросился в сторону. Отбежав, повернулся и захохотал, словно в издёвку. Ещё что-то хамское крикнул. Проснулся в холодном поту.

– Так бороться!.. нетипичный такой случай, – кивнул другой врач.

– Губами пошевелил, – сообщили у кровати больного.

– Может, показалось?

– Утром говорил даже. Одно слово сказал. Медсестра слышала.

– Какое слово?

– Утюг.

– Утюг?! – удивился главврач.

– Утюг, – подтвердил Кирилл.

Врачи онемели.

Зазвенел телефон, главврач взял трубку, выслушал, молча

повесил, сказал:

– Идут!.. Два генерала!

– Целых два?!

– Сон в руку!

С генералами по коридору шли Аня и София Фёдоровна.

– Пусть одна зайдет, чтоб не беспокоить, – попросил главврач, указав на женщину.

– Тогда Аня, жена всё-таки, – решила София Фёдоровна.

– Кирилл... Он! Живой! – зайдя в палату, обрадовалась

Аня.

– Подождите, – остановил порыв женщины главврач. – Ра-но ещё.

– С ним всё нормально? – растерялась Аня.

– Нормально! – заверил генерал-лейтенант. – Чего ж тогда мы здесь?

– Где мы только его не разыскивали, даже на Канарах разыскивали, – расслабившись, сообщил другой генерал, генерал-майор.

– Была такая ориентировка, – подтвердил генерал-лейтенант.

– А говорят государство плохо о своих гражданах заботится, – вздохнул врач.

– Как у вас с госфинансированием? – поинтересовался у врачей генерал-лейтенант.

Лица врачей скисли.

– Чтоб заговорил! Вчера! – потребовал генерал. – С днями... подбросим чего-нибудь.

– Надо, значит, надо, – пожалы плечами врачи. – Он сегодня даже одно слово сказал.

– Что за слово?

– Утюг, – ответил главврач.

– Утюг? – удивился генерал.

– Утюг, – подтвердил Кирилл.

Все посмотрели на Кирилла.

– Это... он сказал? – тихо спросил генерал-лейтенант.

– Больше никому, – подтвердил главврач.

– Чтоб к следующей встрече предложениями заговорил, – приказал генерал.

– Надо, значит, заговорит, – пообещал кто-то из врачей.

7

Чиновники Небесной Канцелярии вошли в комнату для совещаний.

– Опять будем монетку бросать?

– Наступать на те же грабли?

– Давайте уж скорей кончать.

– Давно пора. Покончить одним махом.

– Одним махом не получится.

– Что значит – не получится? – посыпались реплики чиновников.

– Мы сюда зашли просто так, – произнес начальник. –

Чтобы он подумал, что его судьба зависит от нас. Может, оценит когда-нибудь?

– А его судьба и так зависит от нас! И всегда зависела, особенно, когда мы рядом, – сказал советник, лишённый полномочий. – Может, хватит с ним сюсюкаться? Вызовем, например, на поединок с червями, и будь что будет!

– Пусть платит по счетам! – поддержали другие чиновники. – Суд должен подчиняться только монетке.

– Заплатит ещё. Кое с чем и мы уже должны считаться, – вздохнул начальник. – Возможно, подобные типы уже возвращались из внеурочья и не раз. Объяснять и входить в подробности не стану, советники потом всё объяснят, никаких других решений не будет. Сюда мы зашли, чтоб оставить тайну в совещательной комнате. Так положено. Комната ждёт.

– То есть поединка не будет? – расстроился советник, лишённый полномочий.

– Отправляем обратно и – чего уж там – подаю в отставку! – махнул рукой начальник. – Как говорится, и волки сыты и овцы целы. Не могу быть объективным к судьбе этого человека.

– Не такая уж он и овца, – проворчал кто-то из чиновников, но решение начальника никто оспаривать не стал.

– Про Канары зря ляпнул.

– Виноват, не подумал.

– Видел, едва дал распоряжение, чтоб заговорил и заговорил! Надо будет, по приказу с того света возвращать станут, были бы деньги. Тогда и войны будут не так страшны.

– В нашей стране и без денег могут.

– Кого бы к нему приставить? Записывать всё, что будет говорить.

– Медсестра ж приставлена.

– Думаю, под него еще проект организовать, раз уж ввязались. Семь бед – один ответ. Дроны, говорят, перспективное направление.

– Со скрипом сейчас дают, – вздохнул генерал-майор.

– Когда давали без скрипа? Что делают, чтоб не скрипело?

По телику вон, все оказываются скрытыми миллионерами, а на деле скромные служащие, деньги в офшорах.

– Они оказываются скрытыми миллионерами, когда в тюрьму попадают. Не хочу в тюрьму.

– Лучше на пенсию, – согласился генерал-лейтенант.

9

Кирилл в судорожном беспокойстве кружил перед ограждением зала заседаний. В прошлый раз этого ограждения из перил не было, а теперь вот, спустя время, поставили. Прозвенел звонок, в зал в торжественном шествии вошли чиновники Канцелярии.

– Знаете, я могу даже с вами согласиться, в вопросе, что полезно, что нет, в чём-то, – сообщил Кирилл, когда Высокое Собрание стало рассаживаться по местам.

Начальник раздражённо махнул рукой, и Кирилл замолк.

– Волей случая проявление Высших сил... – торжественно провозгласил начальник, но повторно махнул рукой уже для себя: – Чего уж, – вздохнул он и сменил интонацию: – В общем, Кирилл Карлович, мы тебя отпускаем на тех же условиях, что и в прошлый раз. Есть какие-нибудь вопросы, претензии, пожелания?

– Есть, – поспешил ответить Кирилл и задумался: – Пожелание. Неплохо бы пройтись по местам здесь, где я был в прошлый раз.

– Странное пожелание, – удивился начальник. – Интереснее же бывать там, где не был.

– Лишний раз подтверждает их испорченность. – усмехнулись из зала. – Им нравится то, что по всем законам не должно нравиться.

Кирилл повернулся к залу:

– Там, где я был, с кем я был, там осталась часть моей души. Понимаете? Часть прошлого, чувств, воспоминаний. Родное.

– Как они себя любят! Вместо того чтоб открывать что-то новое, – зашептались в зале.

– Я, в общем-то, хотел встретиться только с отлучённым, – признался Кирилл, – другие и так здесь. Обещал, что мы обя-

зательно встретимся, надо держать обещание. Или уже отвели в отстойник, раз здесь нет?

– Пусть встретится, – разрешил начальник. – Кстати, отлучённый уже не отлучённый, работает в Саду садовником, выращивает цветы. Даже в мыслях никогда не было заводить садовника, сам себя предложил. С таким рвением взялся за работу, словно чиновником не был. Ходит в грязи, копается в земле. Чудеса!.. Кстати, в Саду ты ещё у нас не бывал.

Каркушина вывели на задний двор конюшни, к машине Канцелярии.

– В Сад на ней мы раньше не ездили, – сообщили чиновники, – Мы её открыли заново после командировки.

– Всё новое – хорошо забытое старое, – проворчала машина Канцелярии.

– Завелась, – улыбнулись чиновники.

– Убедительная просьба пристегнуть ремни безопасности, иначе вынуждена буду вас катапультировать. Всех! – сообщила машина, после небольшой паузы добавила: – Во время поездки.

– Ну, так во время поездки мы и сами можем катапультироваться, – попытался пошутить кто-то из чиновников, взгляд его уже бегал в поисках ремня безопасности. – Это она из любопытства катапультирует, чтобы посмотреть, далеко ли кто полетит, если ремень не пристёгнут. Катапультировала нескольких, теперь все ездят пристёгнутыми. Хо-

рошо хоть предупреждать стала.

10

– Его организм продолжает цепляться за жизнь каким-то непонятным образом, – сообщил главврач. – И, хотя пациент никак не может прийти в сознание... утюг принесли?..

– Принесли, вот, – на столик рядом с медицинскими инструментами встал утюг.

– Хорошо. Загадочные нейронные связи, – пожал плечами главврач. – И, хотя пациент никак не может прийти в себя и заговорить целыми предложениями, приборы показывают, что он... эээ... неспокоен. Что-то происходит в его сознании и что-то глубокое, процессы заметны и в других местах, особенно под утро. Сестра подтвердит.

Медсестра, покраснев, подтвердила.

11

Секретарь помогал начальнику Небесной Канцелярии разоблачиться от должностных одежд.

– Спасибо, вы были неплохой секретарь, – поблагодарил начальник.

– А вы были неплохой начальник, – ответил секретарь. – Грустно уходить?

– Чутьочку грустно, не успел приемника подготовить.

– Простой смертный все карты спутал, – вздохнул секретарь.

– Не такой уж он и простой, раз спутал. Да и смертным назвать трудно, в рубашке родился.

– Под рубашкой-то всё равно плоть.

– То-то и смущает.

Покосившиеся металлические ворота без ограды со звездой наверху. За воротами – фигура садовника, вокруг несколько чиновников. Когда машина Канцелярии притормозила у ворот, чиновники поспешили скрыться. Садовник большими ножницами стал равнять кусты. Кирилл поспешил к своему знакомому. Сопровождающие скромно остались стоять у машины.

– Я на чуть-чуть, – подойдя, улыбнулся Кирилл. – Отправляют обратно.

– Зачастил, – улыбнулся в ответ садовник. – А я вот...

– Уже сообщили, – с пониманием кивнул Кирилл, – повышение в должности?

– Нет тут никакого повышения, должность эту сам себе придумал. Это сейчас кусты стригу, так в основном с цветами.

Садовник казался растерянным, железные ворота стучали створка о створку, мешали сосредоточиться. Кирилл бросил взгляд в сторону ворот и увидел маленького ребёнка, катающегося на одной из створок. Когда шёл мимо, ребенка там не было.

– Никто не знает, откуда они, – кивнув на ребёнка сказал

садовник, – откуда-то приходят, находят дорогу. Дети умнее взрослых, взрослые – лишь отражения детских душ, – садовник перевёл взгляд на Кирилла: – Трудно начинать новую жизнь, ещё труднее заново начинать старую, характер по привычке будет держаться прежних ошибок. Вернулся бы другим, начал бы жизнь с чистого листа.

– Во мне ещё много энергии, – отмахнулся Кирилл. – Ты ж тоже не захотел в отстойник.

– Имея за плечами прошлое, трудно начинать заново, – повторил садовник и украдкой посмотрел на ворота.

Чиновников у ворот становилось всё больше, они обступили ребенка, висевшего на прутьях, и при всей своей чиновничьей сдержанности, проявляли нетерпение, даже нервозность. Такую же нервозность проявлял ребенок, пытающийся забраться выше.

– Хочешь яблочко? Без всякой химии, – предложил садовник.

– Химия, она во всем, – улыбнулся Кирилл, но яблоко взял и откусил, поморщился и присмотрелся: – Чер-ви-вое, – и стал терять сознание, падая, увидел убегающего садовника.

Подбегая к воротам, садовник обернулся и словно в опере растянул:

– А черви, они во всём. Здесь их особенно много, на сладеньком-то!..

Очнулся Кирилл в аппаратной Судьбистов в смирительной рубашке на стуле, напротив стоял садовник. В отличие от прошлого посещения фантомов на кроватях не было, ретрансляторы стояли потухшие, висела табличка «Профилактика».

– Развяжи! – пытаюсь освободиться потребовал Кирилл

– Посиди пока так, – ответил садовник. – Не надо сопротивляться, хуже будет. Все сопротивляются, когда чему-то хорошему пытаются научить. Адам с Евой тоже сопротивлялись. Представляешь, я узнал, где дорога. Не было тогда никакого изгнания, просто, кому-то перестало хватать личного пространства, вот и ушли. Можно сказать, сбежали. Сиди спокойно, ты ж не маленький.

– Думал, друг, оказывается, только прикидывался, – возмутился Кирилл. – Развяжи!

– Развязать пока не получится, оно само, – ответил садовник.

– Что значит «само»?.. – растерялся Каркушин. – Прямо Кастанеда какой-то.

– Может, Канцелярия помимо нашей воли уже сама готовит тебя к депортации, – ответил садовник. – А потом, кто знает, каков ты сейчас там? Согласился б начать жизнь с чистого листа, ничего бы это не было. Небольшие фантомные воспоминания и всё.

– Не терплю насилие, – буркнул Кирилл.

– Говорю ж, само, – отмахнулся садовник. – Прежним так

прежним, не будем терять время. Чтоб не чувствовать потом угрызений совести, чтоб тебе помочь, будем учиться направлять твою излишнюю энергию точно в цель, чтоб не занесло потом опять куда-нибудь.

Садовник взял пульт и включил ретранслятор. На экране – лодка, украшенная цветами, среди цветов – Аня. Неожиданно в лодку запрыгнул Кирилл. Кирилл в аппаратной напрягся. Кирилл в лодке, не проявляя эмоций, стал грести веслами. Включились все ретрансляторы и с разных ракурсов, с разной крупностью стали показывать происходящее. На крупном плане Кирилл выглядит растерянным, даже испуганным.

– Обрати внимание на своё лицо, – сказал садовник.

– Просто, жду подвох, – насупился Кирилл. – Раньше жили беззаботно, сейчас кругом одни подставы. Нужно быть готовым ко всему, даже она неожиданно может что-нибудь выкинуть.

– Что ж, посмотрим, что в данной ситуации может она «выкинуть», – улыбнулся садовник.

Едва лодка оказалась рядом с берегом, Аня поспешила спрыгнуть, возмущенно бросив:

– Я здесь словно покойник среди цветов!

– Дальше не стоит смотреть, – поспешно погасил экраны садовник. – Из-за своей энергии ты опять бросишься, сломя голову, мимо цели. Вывод: никогда нельзя сидеть с таким постным лицом, нужно действовать сразу, точно в цель, пока

не поздно. Вот вариант в качестве примера.

Экраны снова включились. Кирилл увидел ту же лодку, ту же Аню в лодке среди цветов, в лодку снова сел он, но, прежде чем взяться за весла, он наклонился к Ане, поцеловал её и сказал:

– Ты здесь самый прекрасный цветок!

– Обрати внимание на лица, – улыбнулся садовник. – Твое лицо расслаблено, тебе уже больше не о чем беспокоиться, а лицо Ани, наоборот полно предвкушений и живет насыщенной внутренней жизнью. Она ещё долго будет переживать мысль, сказанную тобой, будет жить с этой мыслью, блуждая вместе с ней по лабиринтам воображения, примеривая на неё различные варианты одежд. Можешь гордиться – мысль прекрасна, у твоей спутницы нет повода для неудовольствий. Мысль-завоевательница сделала свое дело! Удачный пример использования сложившейся ситуации.

– Как пахнет цветами, – вздохнул Кирилл на койке больницы.

Аня, расправляя в вазе на тумбочке букет цветов, застыла.

– Как вы это делаете? – посмотрев на мониторы, застывшие в стоп-кадре, спросил Кирилл.

– Мысли материальны, – пожал плечами садовник.

– Все мысли материальны?

– Все. Но не у всех. И не всегда. Я вот тоже, когда был

в теле Бориса, так и не смог покатался с дамой своего сердца на лодке, а ведь хотел. Сейчас вон лежат оба в стороне у забора, – садовник зашёл Кириллу за спину. – Но получить ключи к успеху не всё, ими ещё нужно уметь воспользоваться. Как ты воспользуешься ключами, будучи связанным по рукам и ногам?

В ответ Кирилл попытался освободиться от смирительной рубашки, не удержав равновесия, упал, больно ударившись подбородком об пол.

– И в такой ситуации ты хочешь продолжать свою прежнюю жизнь? – сдерживая смех, фыркнул садовник.

– У всех бывают тупиковые ситуации, – сообщил с полу Кирилл.

– Бывают. И что ты намерен в такой ситуации делать?

– Когда человек не может, не совсем получается, когда почти тупик, нужно дать понять другим, что ты в безвыходной ситуации. Люди это заметят и придут на помощь. Развяжи!

– Не пришли?.. нет? Тебе ещё долго придётся ждать помощи, – улыбнулся садовник.

– Тогда сам совершу какой-нибудь поступок, – страдая от боли и собственного бессилия, почти по-детски выкрикнул Кирилл.

– Что ж за поступок ты собираешься совершить, будучи связанным по рукам и ногам? – усмехнулось приблизившееся лицо садовника.

Мониторы тут же отреагировали и засветились, засветив-

шись, потеряли всякий стыд: Кирилл лежал завернутым в пелёнки, лицо его было сосредоточено, он пыжился.

– Ты уже взрослый и не вправе рассчитывать на помощь со стороны других, тем более вести себя подобным образом, – пристыдил садовник, улыбка его сделалась ещё шире. – Человек должен уметь решать свои проблемы сам!

– Нельзя сразу самому научиться решать свои проблемы, если с детства не научили, – возразил Кирилл. – Нас ведь как с детства учили?..

– Как?

– Что большинство проблем будет решать государство. Раньше оно так и делало. Просто, сейчас оно не совсем может решать проблемы, оно пока само... Пока только свои проблемы решает. Нужно чуть-чуть подождать.

– Ага. Пока не сменится одно-два поколения, в том числе и твоё, – согласившись, кивнул садовник. – У тебя осталось... у тебя почти совсем не осталось времени...

13

Темнота хоть и медленно, но отступала. Появились два светлых пятна. Пятна приближались, то прилипая друг к другу, то снова отлипая.

– Кажется, глаз открыл, – обрадовалась медсестра. – Один, видите?

– Вижу! – улыбнулась Аня. – И второй открывал, потом закрыл. Кирилл, Кирилл... ты меня узнаешь?.. Не узнает.

Вас он, кажется, узнал, – расстроилась Аня.

– На меня он среагировал, как младенец на мать, сколько времени провели вместе... Можно сказать, родился заново, – ответила медсестра, она почему-то решила оправдать поведение пациента.

– Пить, – попросил Кирилл.

Аня, отстранив соперницу, сама принесла воды мужу:

– Надо, чтобы ко мне привыкал!..

Кирилл сделал несколько глотков, для большего у него не было сил.

– Наверное, всё-таки меня он увидел первой, – покраснела Аня.

– Конечно же, вас первой! – подтвердила медсестра и тоже почему-то покраснела.

14

Ноги царапали пол, отсчитывали ступени по лестнице вниз, чертили кривые линии, поднимая пыль подвальных коридоров. Каркушина под руки тащила волоком вниз. Уловив в его взгляде появляющийся смысл, чиновник Канцелярии прошипел:

– Имейте терпение.

– Думал, на балкон, как в прошлый раз, – ответил Кирилл.

– Лучше в подвал, чтоб не рисковать, – скривился чиновник.

Тело Кирилла прислонили к косяку двери с табличкой

«Посторонним выход воспрещен».

– А кто здесь «посторонний»? – осторожно спросил Кирилл.

– Это каждый решает сам! – отмахнулся чиновник. – Многие считают себя посторонними, но оказывается достаточно открыть дверь – и никакой ты уже не посторонний, и все двери открыты, если в эту войдешь. Не в эту конкретно, а вообще.

– Иногда трудно найти нужную дверь, – подтвердил другой чиновник. – К этой, заметь, мы тебя сами приволокли. Не хочешь встретиться с предками?

– Что?!

– С предками, говорю, не хочешь встретиться?

– Хочу, но не сейчас, – сглотнул Кирилл.

– Понятно, – проворчал чиновник. – Всё стремитесь остаться в памяти не всегда благодарных потомков. Ведь никто из потомков не будет вас знать лично.

– А где начальник? – заволновался Кирилл. – Попрошаться бы.

– Нет больше начальника, отвели в отстойник. Своей должностью пожертвовал ради твоего возвращения, преемника даже не подготовил. Сначала отлучённого, теперешнего садовника, хотел преемником сделать, но там дело принципа. А другого подобрать не успел. Ждут нас нелегкие времена.

– Вон он, садовник, легок на помине!

– Фу, успел, – подбежал садовник. – мотанулся в Сад, яблок набрать в качестве бонуса. Ты уж, Кирилл, прости. К чему злиться, если на пользу? Значит, отправляют?..

Чиновники молча кивнули. Садовник попытался пристроить Каркушину сетку с яблоками, не найдя куда, повесил на грудь.

– Ну, давайте! Сюда что ли, за дверь?

Открыли дверь, Кирилл широко вдохнул, зажмурил глаза, склонил голову и получил толчок в спину. Несколько пинков ногами завершили дело. Тело Кирилла с гулким эхом полетело по пространственному коридору. Кто-то сверху, выше даже двери, вздохнул: «Эх! на миру и смерть красна».

Раздался всплеск, спуск воды в унитазе, звук передаваемых новостей, что-то ещё, и группа чиновников в провале дверного проёма облегченно выдохнула.

– Постучаться забыли. Впрочем, да, это ж с той стороны надо стучаться, несмотря на то что дверь, конечно же, только туда.

– Закрывайте, не надудо б чего.

И дверь с надписью «Посторонним выход воспрещен» поспешно закрыли.

В полумраке рука Кирилла опустилась на колено медсестры. Женщина дремала на стуле рядом с кроватью, опрокинув голову с полуоткрытым ртом и невидящим взглядом назад.

– Я замужем, – отводя руку, устало выдохнула сестра. – Ой, ожил! Вспотел, бедненький. Всегда мёрз, а тут вспотел. Давай оботру.

– Муж не ревнует, что ночью здесь, с другим мужчиной? – прошептал Кирилл.

– Вы не мужчина, вы – пациент, а я – сиделка, а не лежалка. Муж объелся груш.

– Как я сюда попал?.. что-то помню... Провал в памяти.

– Докладываю, – вытянула спину медсестра. – Возле вашего дома проходили военные маневры, что-то секретное испытывали. По секрету сообщили. Вас не сразу нашли. Взрывной волной отбросило что ли? Подключили к аппарату искусственного дыхания.

– Сообщить могли всё, что угодно.

– Это легенда, – согласилась медсестра. – В смысле, так оно и было, но вам потом всё точнее расскажут.

– Утюг? – Кирилл заметил утюг среди медицинских приборов.

– Утюг, – подтвердила медсестра.

– Там рядом с ним никаких инструкций?

– Что вас так взволновало?..

– Всегда волнуюсь, от... общения с умным человеком, – вяло улыбнулся Кирилл.

– С чего вы взяли, что я умная? – обрадовалась женщина.

– Яблоко, упавшее на голову Ньютону, тоже было без мозгов, а какая умная мысль родилась, – ответил Кирилл. –

Кстати, хотите яблок?

– Откуда у вас яблоки? А да, здесь же была ваша жена, – медсестра взяла яблоко и откусила, и стала терять сознание.

Кирилл сидел на кровати, происходило его второе рождение. Тело медсестры лежало на каталке за занавеской. В палату вошла София Фёдоровна, тёща Кирилла, поставила пакеты с одеждой:

– Вовремя я, переодевайся, – бросила взгляд на каталку: – Чего это с ней? Спит что ли?

– Спит, – ответил Кирилл.

– Нейтрализовал, значит, не будет препятствий чинить, – кивнула София Фёдоровна. – Собирайся, уходим, ты практически здоров. Снимай свою больничную робу.

– Может, полежать ещё для профилактики, под наблюдением, до полной реабилитации? – задумался Кирилл.

– Полная реабилитация будет тебе дома!.. – заверила София Фёдоровна. – В больнице, раз появились признаки выздоровления, надо сразу выписываться, чтоб не нахватать новых букетов болезней.

– Врачи ж и медсёстры не хватают «букетов».

– У них застарелый иммунитет, – отрезала тёща.

Раздался шорох, медсестра за занавеской стала медленно подниматься, спустила ноги, задела металлическую утку, та загремела.

– Что ночью надо делать, чтоб так? – пробубнила София

Фёдоровна, Кирилл неопределенно пожал плечами. – Аня говорит, ты во сне кого-то называл «уточка моего сердца». До машины сам дойдёшь или помочь?

– Дойду, – вздохнул Кирилл. – Вот и закончилось мое Великое лежание.

Медсестра рассеянно помахала рукой, словно метрономом, такое ощущение, она ещё была не в себе.

– Надеюсь, твоё Великое сидение тоже ненадолго, – спускаясь по лестнице, бросила тёща.

– То есть?

– Великое сидение в смысле дома. Ты ж сейчас без работы, – уточнила София Фёдоровна и сильно изменилась в лице. – Для твоей же пользы, чтоб быстрее этот период закончился.

Глава вторая

1

Первую ночь дома спалось долго, дольше ночи, организм уже устал ото сна и пытался проснуться, но сознание ещё где-то блуждало. Наконец, Кирилл сел посреди кровати и распахнул глаза. И не сразу понял, где он и кто он. Место показалось знакомым, потом пришло понимание, что это квартира, потом, что это квартира Каркушина, но то, что он и есть тот самый Каркушин, так и не понял. Такое случилось с ним впервые – узнал место, но не узнал себя.

Потом он узнал себя. Рассвет за окном стал меркнуть и превращаться в сумерки. Логически заключив, что время пошло вспять, если не вспять, то куда-то в сторону, Кирилл был готов в это поверить. Случайно брошенный взгляд на часы подсказал, что проснулся он не утром, а вечером. Приближалась ночь.

– Ну, ты и спать, – улыбнулась Аня, поставив чашку кофе. Аню он узнал сразу, оно и понятно – видел чаще себя.

– Несколько раз готовила, чтоб тебя порадовать.

«Она явно чего-то хочет», – насторожился Кирилл, но кофе взял.

– Хорошо пахнет!..

– Хлебом и кофе! – согласилась Аня. – Пока ты подни-

мался, успело подняться тесто в хлебопечке!.. выпекается.

Кирилл пил кофе, Аня присматривалась к Кириллу.

– Странный какой-то, словно подменили, шевелишься во сне, – вздохнула, наконец, Аня. – О чём ты сейчас думаешь?

– Ни о чем!

– От меня у тебя не должно быть никаких тайн!.. скажи о чем?

– Зря ты думаешь, что в моей голове могут часто возникать мысли. Ни о чем не думаю. Могу я ни о чем не думать, как ты думаешь?

Пауза. Подозрительность обоих стала нарастать. Теперь Кирилл начал присматриваться к Ане. Это ей не сразу понравилось, потом понравилось. У женщин всегда так.

2

На следующий день Кирилл проснулся и обнаружил, что его оставили одного. В голове стали возникать самые разные мысли. Количество мыслей росло: одних он старался не замечать, другим уделил чересчур много внимания, гнал непонравившиеся, соглашался с понравившимися. Случилась атака со стороны неустойчивых мыслей – и началась «вечеринка» мыслей.

Вспыхнула невероятная по откровению теория о мыслях. Вспыхнув, осветила залежи информации, осталось только эту теорию «вывести». Некое подобие таблицы Менделеева, где вместо физических элементов – мысли, там валент-

ность – здесь календарь, там периодичность – тут возраст старения, распада и полураспада мыслей!.. С помощью новой таблицы можно было даже предсказывать будущее (как с помощью таблицы Менделеева предсказывают свойства новых элементов) или создавать духовную платформу мира, не больше не меньше. Все совершенные мысли должны были найти место в «Таблице Каркушина», – так он её решил назвать. Теорию не удалось вывести. Пришла жена, Кирилл сразу же почувствовал угрызения совести, «вечеринка мыслей» сменилась головной болью.

– Звонил куда-нибудь? – между делом поинтересовалась Аня.

– С утра сделал несколько звонков, – ответил Кирилл.

– Что сказали?

– Статью не публиковали, даже пытались убедить, что её не было. Скорее всего, потеряли. Статьи не было! Их ещё не было, когда я сделал своё первое открытие!.. Нет ну словно атомы углерода, столько времени потратил впустую.

– Приятелям звонил?

– Было одно предложение, теоретически. Отказался. Там нет даже ассистентки и много ещё чего. Не могу работать так непродуктивно, не привык.

– Когда это ты успел привыкнуть? Сейчас надо бороться за любое предложение, тем более, когда его нет.

– Надо правильно себя позиционировать. Некоторые во-

обще сделали вид, что не помнят.

– Сейчас вспоминают, когда ты нужен или когда... – Аня не закончила фразу и вздохнула.

– Сильно вспоминали, когда меня не было? – спросил Кирилл.

– Нужно сделать так, чтобы ты был, – ответила Аня. – И не надо ничего стесняться, иначе твоё место займут другие!

– Тебе-то хоть я нужен?..

– Кирилл!.. – вспыхнула Аня и через паузу: – Знаешь, а я не хочу больше в Америку.

– Куда хочешь? – насторожился Кирилл.

– Не определилась ещё, – покраснела Аня. – Кстати, кое-что и от тебя зависит, если ты, конечно, ещё не списал себя.

– Я?! – возмутился Кирилл, у него даже изменился голос. – Да ты... да я... Ты меня ещё совсем не знаешь!..

– То-то и пугает, – выдохнула Аня и села на диван рядом с мужем.

Кирилл напрягся, он всегда напрягался, когда Аня садилась рядом, понимая, что тем самым она передаёт инициативу и ждёт, когда он сделает первый шаг. Кирилл подсел к Ане, очень близко подсел, чтобы не тратить лишние ходы с целью приблизиться, тем более, когда всё так неопределенно. Аня отстранилась, хотела даже пересесть, но передумала.

– Сейчас скажу, ахнешь! – всплеснула руками Аня. – Тут происходит такое!.. Пока тебя не было, опять наступил финансовый кризис, но уже не только в нашей стране – во всём

мире!.. представляешь?.. Раньше только мы, теперь всех по рукам и ногам.

– Что ещё нового... случилось... без меня? – поинтересовался Кирилл, не оставляя попытку приблизиться.

– Выбрали нового президента! Кстати, твой ровесник, – это уже прозвучало как укол.

– Что ещё? – напрягся Кирилл. – Кого ещё выбрали?

– В США выбрали темнокожего президента. Представляешь?!

– Думал, выберут Хилари, – задумался Кирилл.

– Почему?

– Они любят сериалы.

– Хилари отвели роль второго плана.

– Кого ещё выбрали?

– Зачем, раз тебе неинтересно?

– Теперь интересно.

– Ещё?.. Не знаю, сможет ли это тебя заинтересовать? У нас сейчас зачем-то выбирают историческую личность.

– Опять сбой, – побледнел Кирилл. – Значит, в День Всех Времен не успели выбрать. Я им все карты спутал. Сейчас выбирают, нашли выход. А ведь мог быть и я... Не повезло...

– В чём тебе не повезло? Нет, ты все-таки изменился, – взгляд Ани опять стал подозрительным.

– И кого выбрали? – спросил Кирилл.

– Ещё не выбрали, подожди, вместе узнаем, по телевизору выбирают. Пока лидирует Александр Невский из Питера.

Когда в комнату вошла Аня, Кирилл смотрел телевизор.

– Обедать когда будем? – спросил он.

– Мне надо к маме, всё приготовила, поешь один, – собираясь, ответила Аня.

– Когда весь мир включён, ты тоже должен быть включён, а ты почему-то выключен, – вставая с дивана и пытаюсь найти оправдание своему бездействию, пробубнил Кирилл. – Такое ощущение, будто выключили и до сих пор не могу найти выключатель. Хотя бы маленький выключатель, потом можно выключатель побольше и так постепенно вышел бы из тёмной комнаты на свет.

– Сложно найти выключатель в тёмной комнате, особенно когда его нет, – сказала Аня. – Нет, ты всё-таки изменился. Говорят, у людей, которые побывали там, открываются новые необычные способности. Ничего не замечаешь?

– Нет, – пожал плечами Кирилл. – Мне говорили и раньше, но нет, не замечаю.

– Да, думаю тебе это не грозит, – согласилась Аня, но настороженный взгляд говорил об обратном. – Пошла. Выбросишь мусор? Не тяни до вечера. Не вечером, слышишь?..

После ухода жены Кирилл отправился выбрасывать мусор. От сквозняка дверь квартиры захлопнулась. Ключи и бумажник, две вещи, присутствие которых всегда проверял

перед выходом – сейчас не проверил, отвык – остались по ту сторону двери. Потоптавшись у мусоропровода, решил спуститься во двор, выбросить мусор в контейнер.

Возле дома и дальше копали и закапывали траншеи, прокладывали различные кабели, трубы, непонятно что. Рабочих было больше, чем прохожих и отличались рабочие от прохожих восточной внешностью и одинаковой одеждой с оранжевым окрасом. И смотрели они на Каркушина подозрительно, подозрительнее чем Аня.

У мусорного бака оказалась другая группа людей, лица тоже одно подозрительнее другого. Эти вели себя по-хозяйски, но ни к жителям двора, ни к многочисленным рабочим не относились, поэтому их все сторонились. Возле компании, можно сказать, образовался вакуум, хоть и разговаривали здесь с московским акцентом и на философские темы.

– А вот интересно, откуда возникла жизнь? – донеслось до Кирилла.

– Эээ... давай сначала выпьем!

– Нет, вот ты ответь!

– Пристал как банный лист. Откуда-откуда, вот можешь понять, почему на гниющем яблоке появляются мошки, или откуда берутся черви в том же яблоке?.. Так и после загнивания Советского Союза возникла жизнь. Сначала нужно побыть червём, покопаться, так сказать, потом обязательно произойдет превращение в бабочку!.. если тебя, конечно, не склюют. Не тебя конкретно, вообще. Не понятно?..

Чем ближе Кирилл подходил к мусорному баку, тем пристальнее осматривали его пакет с мусором. Избавившись от пакета, Кирилл быстро нырнул за угол. Одна из дверей в гаражном тупике была открыта.

4

В глубине гаража у небольшого оконца перед тисками маячила фигура незнакомца.

– Здравсте. Можно за собой дверь запру? – смутившись, попросил Кирилл.

– Зачем?

– Надо. Там...

– Валяй.

– На замок.

– На задвижку. К задвижке потом не надо подбирать ключи.

Кирилл закрыл дверь на широкую ржавую задвижку. Снаружи уже слышались шаги, дверь несколько раз дёрнули, по сопели, помочились и ушли.

– Чего они хотели?

– Это надо у них спросить.

Незнакомец отложил работу, пошарил по карманам халата – портной явно развлекался, создавая его халат, множество карманов напоминали очертания папок в компьютере – наклонился к ящику стола.

– Я не опасен!.. – по-своему расценил его движения Ки-

рилл.

– Вижу, – подтвердил незнакомец. – На свет сразу не разглядел.

– Такое ощущение... как в детстве... – удивился Кирилл. – Что-то знакомое.

– Сарай давно стоит, раньше даже домов, – улыбнулся незнакомец.

– В детстве я жил в другом месте, – сообщил Кирилл.

– Какая разница, где ты жил? Время здесь течёт по-другому, особенно если дверь закрыть и окно занавесить, – хозяин гаража внимательнее присмотрелся к Кириллу. – Не надо было тогда тебе отсюда убежать, всё было бы разумнее. Узнал бы свою судьбу, не впрямую, конечно, но необходимую информацию получил бы. Чего не вернешь, того не вернешь – убежал, вот и бегаешь до сих пор. Пушкин, кстати, тоже убежал, не ты один. Тебя тогда позвали играть в футбол, футбол тебе показался интереснее.

– Пушкин тоже убежал играть в футбол? – поинтересовался Кирилл.

– Нет, тот на бал, сейчас бы сказали, на вечеринку. Такой талант в землю закопать!..

– Какой талант? Кто закопал? – расстроился Кирилл.

– Ну не Пушкин же! Тебе никогда не говорили про талант?..

– Что-то говорили, в школе, – ответил Кирилл.

– Вот именно, в школе, все мы родом из детства. Тот маль-

чик в детстве мог увеличивать свои силы многократно. Никто не мог, а он мог! Помнишь?

– Что-то помню, смутно.

– По причине своего характера тот мальчик часто попадал в тупиковые ситуации и почти всегда выходил сухим из воды. Способность увеличивать силы придавала такое ускорение, что часто забрасывала не туда, куда следует.

– Да уж, – вздохнул Кирилл. – Но мне везде было интересно.

– Кто б спорил. Судьба потакает таким, любит, где много энергии. Пользоваться подарками судьбы ты не умел. Столько шансов упустить. Другим, может, дается один шанс за всю жизнь, и то не каждому, тут же – просто пиршество шансов!.. Шансом я называю момент разговора с судьбой, когда она тебя слышит и можно даже изменить её мнение о себе. Судьба ведь как женщина... или наоборот...

– Может, этому мальчику давалось столько шансов, потому что он ими не пользовался? Судьба ждала, что воспользуется, а он не пользовался, жил, будто бы впереди целая вечность... А сейчас?

– Что сейчас?

– Сейчас судьба меня слышит или уже стало неинтересно? Незнакомец неопределенно пожал плечами.

– Не проясните, каким образом тогда удавалось увеличивать силы? Про ускорения помню, про то, что забрасывало не туда помню, а вот отчего всё получалось, не вспомню.

До сих пор понять не могу, что за катализатор, не спиртное, нет?..

– Кстати, не хочешь? В любом гараже найдётся записка, – улыбнулся незнакомец, вытащив из-под стола бутылку. – Точно, не хочешь? Как знаешь. Эх, опять сломал!.. пытаюсь зажать в тисках заготовку, и каждый раз ломается.

– Дешевый материал, на всем экономят, – со знанием дела пояснил Кирилл.

– Не спросишь, чем занимаюсь?

– Извините, интересно, чем?..

– Ключник я, ключевых дел мастер, делаю ключи для дверей, хотя не знаю, где те двери, что мои ключи должны открыть. Творю по наитию. Конечно, надо бы сначала определиться с дверьми и потом делать или попытаться создать универсальную отмычку, но по какому-то непонятному наитию делаю ключи, не зная дверей. Те двери, что вокруг, почему-то не хочется для них делать ключи. Эта заготовка, думаю, подойдет. В нужное время, в нужном месте для каждого из ключей обязательно должна найтись дверь!.. Я в это верю. Вот, например, – ключник указал на самый большой ключ, – ключ от города Москвы, символический без замка, с городами всегда так, скоро уйдет по назначению. А если поленюсь, например, и не сделаю ключ, не откроется где-то важная дверь, не случится потом какое-то важное событие... Моду взяли замки на деревья и мосты вешать, безобразие.

– Замки типа от сердца, деревья-то железные, – кивнул

Кирилл.

– Ещё потом уверяют, ключей к ним нет. Ключи к любому замку подобрать можно, даже если в реке утопить.

– Как я удачно зашел! – обрадовался Кирилл. – Моя дверь захлопнулась, пошёл выбрасывать мусор, и захлопнулась. Не можете с ключом?

В дверь постучали, потом попытались открыть.

– Странно всё-таки ведут себя люди. Раз не пускают, нельзя значит, – вздохнул ключник.

5

– Ну и как он после болезни? Произошли необходимые изменения? – поинтересовалась София Фёдоровна.

– Кому необходимые? – усмехнулась Аня. – Активности поубавилось. Дома сидит.

– Все они дома сидят, если что-то серьёзное не предложить, – ответила София Фёдоровна. – Мужиков вообще трудно переделать. Болезнь иногда творит чудеса. На вот, мобильник ему купила, чтоб всегда был на связи, – София Фёдоровна протянула коробку с телефоном.

– Не возьмет, – усомнилась Аня.

– Подарок от любимой тёщи на выздоровление, как не взять? Подари на 23 февраля, заранее.

– Мама, он не празднует 23 февраля.

– Мужик и не празднует? – растерялась София Фёдоровна. – Им лишь бы повод...

– Он празднует 28 мая. Он – пограничник!

– Подаришь на 28 мая заранее, – обрадовалась София Фёдоровна. – У пограничников рации, у твоего будет телефон!..

– Если возьмёт, это будет его первый мобильный со времён изобретения мобильных, – улыбнулась Аня.

– Надолго запомнит! – обрадовалась тёща. – Что ж такое должно произойти, чтоб у него сознание поменялось? Вот смотри, сделала список, кто нам нужен. У одной даже есть суперэсклюзивный то ли шар, то ли череп. Есть колдунья в третьем поколении, думаю, к ней надо в первую очередь, порода.

Колдунью в третьем поколении отыскивали в подвале на окраине Москвы. Из обстановки – шторы на несуществующих окнах, небольшой круглый стол и атрибуты: разбросанные в разных местах свечи, камни, бусы, кольца, гребни, булавки.

– Точно, ни с кем не беседует? – выслушав, поинтересовалась колдунья.

– Со мной иногда, – ответила Аня.

– Я имею ввиду с потусторонними?

– По ночам бывает что-то бормочет.

– Так! – обрадовалась колдунья. – Беспокойство и страх замечаешь?

– Да нет вроде, сложно сказать.

– За других себя не выдает? Воспоминания о прошлых

жизнях, фантазии какие, – колдунья старалась показать хватку.

– Нет, раньше фантазировал, сейчас перестал, а жаль, – вздохнула Аня. – Даже стихи писал.

Колдунья то ли обиделась, то ли задумалась, поворачивала глазами.

– С ним и раньше происходили разные странности, на даче, – чтоб дать пищу для размышления растерявшейся колдунье, сообщила София Фёдоровна, встретившись взглядом с Аней решила не продолжать.

Колдунья сделала знак, уверяющий, что продолжать и не надо, что она и так знает, стала манипулировать руками, собираться с мыслями, наконец, сказала:

– Мне надо с ним побеседовать.

– Это навряд ли, – усомнилась Аня.

– В твоих же интересах. Ради его исцеления.

– Он только что из больницы.

– Он ещё не вернулся оттуда, – сообщила колдунья. – Душа его ещё блуждает. Душу надо исцелять и вести к свету, нельзя душе больше оставаться в темноте. Опасно. Для всех опасно.

– Он что-то говорил про лампочку или выключатель в темной комнате, – вздрогнула Аня.

– Видишь!.. – оживилась колдунья и продолжила манипуляции. – Вижу. Вижу свечение. Темно слишком. Тёмные пятна не дают рассмотреть. Никак не считать ауру, не про-

биться, – колдунья вытерла со лба пот, налила стакан воды и большими глотками выпила.

– Вот, – распахнула взгляд София Фёдоровна. – Опасно?

– Не то слово! – сообщила колдунья.

– И что теперь? – испугалась София Фёдоровна.

– Нужно время, чтобы разобраться. Время сама понимаешь – это... – колдунья открыла шкатулку, понятливая тёща положила туда деньги.

– Нужно несколько сеансов, – покачала головой колдунья. – Тяжёлый случай.

Тёща добавила ещё денег. Закрыв шкатулку, колдунья стала мягче.

– Хорошо, что ко мне пришли. Сейчас столько разных псевдоцелителей, псевдоколдунов, могли и нарваться. Никому нельзя верить. Женщина, обязательно приведи ко мне своего мужчину, дам установку.

– Что за установку? – поинтересовалась Аня.

– Правильную установку. Постгипнотическое внушение, много чего. Но сначала сама лично во всём должна разобраться. Акцию сделаю как постоянным клиентам.

– Не пойдёт, – усомнилась Аня.

– Куда он денется? – пообещала София Фёдоровна.

– Любишь ты акции, – стрельнула глазами в сторону матери Аня.

– Когда освою работу по телефону, тогда можно будет не приводить, буду снимать порчу по телефону. Пока с этим ап-

паратом мне ещё надо работать.

6

– Микола, смотри, среди белого дня гараж взламывают! – крикнула Вера, призвав сожителя в свидетели.

– Может, ключи потеряли? – подойдя к окну, предположил мужчина.

– Потеряли, скажешь тоже. Сколько раз там машину ставила, их никогда не видела. Не наши. Надо звонить в милицию.

– Оно тебе надо? Привлекут в качестве свидетеля, по судам затаскают, – вернувшись на диван, вяло отозвался Микола.

– Может, отшугнуть чем-нибудь? – задумалась Вера.

– Отшугни. Подстерегут у подъезда, получишь по башке. Давай лучше обедать, борщ грей. Я тут прослежу если что.

– Управы на них нет, – вздохнула Вера, уйдя на кухню.

– Кстати, когда будем меня прописывать? – поинтересовался Микола. – Нельзя мужика без прописки держать. Случись что... Нервы не железные.

– Нет, я так не могу! – отложив половник, возмутилась Вера. – Так они и до моей машины доберутся! Что тогда?.. Я им сейчас крикну.

– Не из окна! – вскочил с дивана Микола. – Они в ответ камень или гранату. Проходили, знаем. В какое время живём? Хорошо, не одна, а так вообще бы – пиши пропало!..

Смотри, там твой Каркушин.

– Когда это он был «мой»? так, сосед, – Вера вернулась к окну. – Он. Может, с головой что после болезни?.. Неужели Анька ничего не видит?..

– Говорила, они в разводе.

– Кто их поймет. То в разводе, то нет. Чеснок чистить?

– Да и сала, сала порежь.

7

– Не сразу узнал. Смотрю, ты, не ты?.. – улыбнулся заводила компании, усаживая Кирилла за стол из картона возле мусорных баков.

– Я тоже тебя не сразу узнал, – признался Кирилл. – Сколько времени после института прошло.

– Вечность, – согласился знакомый Кирилла. – Что, сильно изменился?

– Если присмотреться, совсем не изменился, – ответил Кирилл.

– Ты тоже. Если присмотреться.

– Ты ещё и в институте учился? Может, ещё и диплом есть? – усмехнулись в компании.

– Может, и есть, – подтвердил сокурсник Кирилла. – Был. Сейчас уже нет. Подарил. Учил прогрессивную молодежь из подручных препаратов «дурь» готовить, особо одарённому студенту и подарил со своей подписью. Где он сейчас, тот студент? Сгорел, наверное, на работе. Кирюх, ты не думай, я

с «дурью» завязал, на улице оказался и завязал. Хотел развязать, иначе на квартиру не накопить, но зачем, если всё равно на улице оказываюсь. Кстати, ещё один наш сокурсник, когда НИИ закрывали, в палатку спиртом пошёл торговать, там и жил. И квартиру не нужно. Когда институт коммерсанты скупили, некоторые из наших там охранниками подрабатывали. Ходы-выходы знают, без их ведома не унесёшь. Всегда можно было к ним за препаратами обратиться. Каждый выживал как мог. Потерянное поколение, они хотели нас похоронить.

– Похоронить нас им не удастся, – заверили в компании.

– Чем занимаешься? Удалось поработать по специальности?

– Немного, – ответил Кирилл. – В последнее время больше болел. Мужики, мне срочно нужна ваша помощь!.. – обрадовался Каркушин. – Срочно нужно взломать квартиру!..

– Не вопрос, бутылку доделаем и взломаем. И не смей отказываться, столько лет не виделись.

8

– Может, ещё куда сходить? – выйдя из подвала колдуньи, задумалась София Фёдоровна. – Чтоб уж наверняка.

– Мам, хватит!

– Не кипятись. Знаешь поговорку?.. Двадцать лет – ума нет и не будет. Тридцать лет – семьи нет и не будет. Сорок лет – денег нет и не будет. Пятьдесят лет – здоровья нет и не

будет. Шестьдесят лет...

– Мам, хватит, а!.. Ему всего сорок, с копейками, – перебила Аня.

– Вот я и говорю: «с копейками». Не слушаете мать. Ту-неядство – кратчайший путь в тюрьму! – заключила София Фёдоровна. – Что-то у меня предчувствие нехорошее. Давай ещё куда-нибудь сходим, а? Для спокойствия.

У другой колдуньи тариф услуг, усыпанный блёстками и сердечками, висел на входной двери. На столе – человеческий череп с редкими зубами, на стене – портрет Блаватской. Внешне колдунья чем-то напоминала этот портрет – тибетский халат, перстни, заколотые гребнем волосы, большие глаза навывкат.

– Я её прямое воплощение, – указав на портрет, сообщила колдунья. – Реинкарнация прошла в Лондоне на месте смерти Елены Петровны, там и училась. Вас я давно ждала. Знаю, пришли по поводу мужчины, у него другая женщина, – не дав опомниться выложила колдунья.

– Нет у него никого! – покраснев, возразила Аня.

– Есть, просто не знаете, – заверила колдунья. – Помните женщину, с которой видели его в последний раз.

– Медсестра.

– Она!.. змея подколотная! Фотографию принесли?

– Откуда у меня её фотография?

– Мужчины, фотографию мужчины.

– Как-то не подумали, – растерялась София Фёдоровна.

– Вещи его есть какие? – спросила колдунья.

– Нет, – пожала плечами Аня.

– Есть, подарок, телефон купила ему на будущее, – ожи-
вилась София Фёдоровна.

Колдунья отрицательно мотнула головой.

– На следующий сеанс принесёте личные вещи!..

Колдунья взяла корень, похожий на фигурку человека, по-
крутила его перед зеркалом, посмотрела в зеркало.

– Придётся готовить отворотное зелье на основе моих экс-
клюдивных нанотехнологий, иначе никак. По одной чайной
ложке будете добавлять ему в чай перед сном.

– И подействует? – усомнилась Аня.

– Подействует! Мои рецепты на основе последних дости-
жений с использованием древнейших традиций. Предупре-
ждаю, могут быть побочные действия. Своего мы всё равно
добьемся, он будет рядом и никогда ни на какую другую жен-
щину больше не посмотрит!

Аня и София Фёдоровна переглянулись.

– И квартирку бы вашу почистить!.. – ткнув в зеркало,
сообщила колдунья.

– Как это почистить?

– От всего лишнего.

– Старик, послушай, в магазине ничего интересного нет, –

удерживая Кирилла на пороге магазина, сообщил бывший сокурсник.

– Старик, мне сейчас всё интересно! – заверил Каркушин. – Знаешь, сколько времени, говоря вашим языком, я был в отключке?

– Знаю. Ты мне это уже говорил. Больше не отключайся. Слушай меня: стой пока здесь у входа, мы мигом – купим необходимое и назад.

– Денег достаточно? – уточнил Кирилл.

– Предостаточно, – подтвердил бывший сокурсник. – Мы там в другом месте ещё нашли.

– Всё под контролем! – заверил Кирилл.

Оставшись один, Каркушин решил не терять времени даром, опыт внеурочных занятий давал о себе знать, решил пройтись, прогуляться, узнать, что творится вокруг. Алкоголь лишь увеличивал его интерес. Небрежно выбрасывая руки и ноги, Кирилл завернул за угол и чуть не вывалился на проезжую часть.

Дорога шла под уклон с изгибом. Лучи заходящего солнца на спуске простреливали шеренгу тополей, вышибая из той желтые листья. В картине не хватало лишь одного, то есть одной, при виде которой вышибало бы мозги – и она появилась. Раскрашенная незнакомка остановила автомобиль по ту сторону дороги, поправила прическу и, выйдя, направилась в сторону Каркушина.

Кажется, время застыло или стало двигаться медленно, разделив тело девушки на детали. Кирилл мужественно пытался устоять на кромке тротуара, дожидаясь её подхода, но суставы слушались плохо. Не дойдя до Каркушина несколько метров, блондинка свернула в сторону магазина. Кирилл не стал нарушать торжественность момента, решил ждать, несмотря ни на что.

И тут машина незнакомки сорвалась с ручника и медленно покатила под уклон. Кирилл кинулся к машине, распахнул дверцу водителя, сделал попытку остановить. Надо, наверное, было сначала поставить на ручник, лишь потом искать педаль тормоза? Миг – и машина с повисшим на открытой дверце Каркушиным врезалась в другой припаркованный автомобиль. На шум нарисовался сотрудник ГАИ.

– Так, – улыбнулся гаишник, – чуть-чуть и вписались бы. От вас ещё и пахнет! Права.

– Понимаете... машина не моя, – сообщил Кирилл.

– Не ваша?.. Значит, вы её ещё и угнали! – ещё больше обрадовался гаишник.

– Нет, я случайно, – мотнул головой Кирилл, – Решил помочь.

К машине на всех парах уже мчалась блондинка.

– Что с моей машиной?! Что этот урод с ней сделал?.. – визжала она, голос её явно не соответствовал внешности.

– Попытка угона, – улыбнулся полицейский. – Хорошо, я успел вовремя! Значит, машина не его, а ваша?

– Моя! Только купили, обкатку не успела пройти!

– Поэтому такая строптивая? – попытался пошутить Каркушин.

– Молчите лучше! – перебил полицейский.

– Хотел объяснить.

– Объяснять в отделении будешь.

– Просто, когда вижу красивую девушку, почему-то всегда хочется, ик!.. объясниться или сделать подарок... – вздохнул Кирилл.

– Хорош подарок, – пряча улыбку, сказал полицейский.

– Сука! – в сердцах добавила хозяйка машины.

– Сейчас составим протокол, во всём разберёмся, – попытался успокоить полицейский.

– Нечего тут разбираться! – отрезала блондинка. – Разбил машину. Да тебе, урод, на неё теперь всю жизнь работать! Знаешь, на что ты попал?.. ты конкретно попал... урооод!..

– Не переживайте вы так, всякое бывает, – попытался успокоить блондинку Кирилл.

– Мой... парень с тобой такое сделает!..

Услышав, что у блондинки есть парень Каркушин расстроился:

– Если ваш парень такой конкретный, он вам новую машину купит. Я б точно купил. Если б у меня были деньги. Зачем вам ездить на побитой?

– Он тебя с потрохами купит, придурок! Покататься решил...

– Она сама... ик... решила... я только хотел... – попробовал оправдаться Кирилл.

– Можно уводить? – поинтересовался полицейский у женщины, та зачем-то собирала и разглядывала сверкающие на солнце осколки разбитой фары.

– Уводите.

– Не переживайте вы так, с каждым может случиться... – Кирилл не удержался на ногах, ухватился за дверцу и ударился вместе с дверцей о кузов.

– Уводите скорее! – завизжала женщина, негодуя отбросив осколки.

– Зачем же сорить?.. – наклонился Кирилл, намереваясь помочь.

Полицейский поспешно подхватил Кирилла под руки и потащил в сторону: – Окажешь сопротивление, получишь по полной... для твоего же блага...

– Ноги почему-то не держатся, – признался Кирилл и, грустно посмотрев в глаза полицейскому, добавил: Я не виноват.

– Конечно, не виноват, – согласился полицейский. – Виноватыми у нас становятся по решению суда. Суд разберётся.

– Какой суд? Вы что? Мне нельзя в суд!.. я обещал ... Вообще-то я не пью. Сам не понимаю, почему так вышло. Другой встретил, давно не виделись, со времён института. Трудно отказываться от халявной водки, потом обязательно хочется отблагодарить. Вот чуть-чуть и развезло. Мне бы адво-

ката и... название забыл, хотя бы звонок другу, на худой конец, родственникам, – от переживаний Каркушина развезло ещё больше.

– Американских фильмов насмотрелся, – прислонив Кирилл к машине с решётками, ответил полицейский. – У нас нет таких прав у задержанных. Видишь, даже новую форму ещё не успели пошить – называют «полиция», а везде написано «милиция» ... Что касается «под залог», тут да, практикуем.

– Как интересно! Значит, вы что, больше не милиция? Вы теперь полиция? И я дома? В Москве? Не за границей? Ух, ты!..

– Реформа МВД, – подтвердил полицейский.

– Не разыгрываете? Пребываешь во вневременьи и вдруг!.. Даже самому не верится. Знаете, сколько времени я был в отключке?.. Можно на всякий случай посмотреть ваши документы? – попросил Кирилл.

Полицейский с гордостью показал документы, Кирилл попытался навести фокус, чтобы сравнить фотографию с реальным человеком.

– Так что, отпускать под залог или как? – спросил полицейский.

Кирилл стал шарить по карманам.

– Нет залога? – расстроился полицейский.

– Нет, – признался Кирилл. – И ключей от квартиры нет. Опять забыл, хотя они там и не нужны больше.

Аня склонилась с молотком над разбитой дверью квартиры, пыталась вбить на прежнее место торчащие в разные стороны щепки и гвозди.

– Кирилл, нас ограбили! Я уже вызвала милицию, – поспешила сообщить Аня, увидев Кирилла.

По лестнице за Кириллом поднимался конвой полиции.

– Теперь это уже «полиция», – усмехнулся Каркушин и добавил: – Это со мной!

Аня распахнула взгляд: – Значит, соседка права?! Она видела в глазок.

За дверью соседки что-то прошуршало, громыкнуло крышкой кастрюли, прошушукало и стихло.

– Ограбить самого себя – в этом он весь! – отделившись от тени коридора, резюмировала София Фёдоровна.

– Лишь часть всего, – грустно вздохнул Кирилл. – Эта полиция по другому поводу.

Пауза, сложная многосоставная пауза. Аня попыталась собрать эмоции. На лестнице появился ещё один наряд полиции.

– Шизофреник, – увидев второй наряд, заключила тёща и повернулась, чтобы уйти.

На следующий день София Фёдоровна была заботливой

и внимательной, с утра хлопотала на кухне. Приготовила в стороне от остального в отдельной кружке напиток.

– Что это? – удивилась Аня.

– Отворотное зелье. Отдашь, когда пить захочет.

– И не подумаю.

– Бери, говорю, – шёпотом потребовала София Фёдоровна. – Зря что ли деньги платили? Я тут даже не про женщин его беспокоюсь, чтоб от него отвадить, если они вообще есть... может, на несчастья все его подействует? Чтоб все несчастья от него, не только женщины, если они есть, мы не знаем. Не поможет, тогда уж не знаю, – заключила тёща и ушла в соседнюю комнату.

Там она стала ждать семейный совет, где без сомнений должны были признать её руководящую роль. Не дождав-шись совета, не какой-либо другой благодарности, намочила водой полотенце, легла на диван и демонстративно положила полотенце на лоб.

– Подписка о невыезде. Опять дома сидеть? – задумалась Аня, когда Кирилл зашёл на кухню.

– Я не виноват, – хмурясь, пожал плечами Кирилл. – Помочь хотел незнакомому человеку, случайной прохожей, в смысле не совсем случайной, то есть не прохожей... Не успел убежать. Если меня осудят, будешь ждать?

– Только и делаю, что жду. Господи, что ж это такое? всю жизнь чего-то ждем.

– Угол падения равен углу отражения.

– Когда жить-то начнём, Кирилл?

– Может, адвоката хорошего нанять?.. Обратиться в службу досудебного урегулирования, слышал, есть такая?

– На какие шиши? На мамину пенсию?

– А на что подачки носить будем? – вставила, наконец, своё слово София Фёдоровна.

В дверь позвонили. На пороге стоял человек в штатском в сопровождении двух полицейских.

– Кирилл Карлович?.. Каркушин здесь живёт?..

– Да, а вы кто?

– Постановление на арест. Чтоб не случилось чего до заседания суда.

– А что ещё с ним может случиться? Вот тебе и угол падения. Уголовник, – через дверной проём своей комнаты прокомментировала София Фёдоровна. – Нет, скажите, что ещё с ним может случиться, если с ним всё уже случилось?

– Если не пойду, силой возьмёте? – усмехнулся Каркушин.

– Сопротивление бесполезно, – ответил незнакомец. – Зачем вам лишние проблемы? Так и будем стоять на пороге перед женщинами?

– Нас уже ничему не удивишь, – сообщила София Фёдоровна.

– Зачитывайте мои права, – согласился Кирилл.

– Вы, действительно, этого хотите?.. – удивился незнакомец. – Так у вас хоть надежда останется.

– В бумажках сейчас всё что угодно написать могут, – согласилась с незнакомцем тёща. – И не подписывай там ничего!

– Что с собой-то брать? – спросил Кирилл.

– Можно ничего не брать. Шнурки и ремни отберут, всё необходимое выдадут, кормить будут за государственный счёт, – ответил человек в штатском и пояснил для женщин: – Положение его безнадежно. Разбитая машина по доверенности принадлежит лицу с большими полномочиями. «Права»? У него даже автомобильных прав нет.

– Зачем тогда ему, этому вашему «лицу с полномочиями», эти суды и скандалы? – растерялась София Фёдоровна.

– А скандалов не будет. Всё сделают по-тихому. Но вашему кормильцу кирдык.

Аня потеряла дар речи.

– «Сиделец» какой-то получается, а не кормилец, – выдохнула София Фёдоровна.

– Это та блондинка, что была за рулём, «с полномочиями»? – спросил Кирилл.

– Дочь чиновника? – попробовала угадать София Фёдоровна.

Государственный человек скривился в лице:

– Поэтому и огласки не будет. А права, там у него прав будет больше, чем даже здесь. Здесь, как погляжу, он совсем

бесправен, – усмехнулся незнакомец в сторону женщин. – А что хотите? Все мы находимся под защитой государства, точнее под его опекой. И некоторым лучше из этой опеки не вылазить, до поры до времени.

– Вот тебе и «другая женщина», накаркала колдунья, – растерялась София Фёдоровна. – Будем подачки «кормильцу» носить.

– Передачки.

– Что?..

12

У покосившихся ворот Сада чиновники выгружались из машины Канцелярии. В стороне за прибывшими наблюдали дети.

– Как машина? Не слишком капризничает после командировки? – поинтересовался садовник.

– Успокоилась, – усмехнулись чиновники. – Сначала потребовала зеркало заднего вида, чтоб видеть, кто сзади садится. Очень ей, видите ли, надо было. Потом окна ей затени, ремни безопасности поставь. Когда оснастили, поуспокоилась, правила только свои заводить стала.

– Знакомо, – кивнул садовник. – А согласишься с её правилами, права начнёт качать.

– Не без этого, – подтвердили чиновники.

– На курорт, значит, к нам? Зачастили!

– Новый начальник щедр стал! Опасается, что ль чего?

Странный он какой-то.

– Свято место пусто не бывает. К сожалению, к великому сожалению, – вздохнул садовник. – Лучше б оно, если нет того, кому это место предназначено, оставалось пусто. Чего это я?.. ах да, это я о своем...

– Проклято место тоже пусто не бывает, – бросил кто-то чиновников. – Тоже так, к слову.

– Не те времена, не те, – закивали чиновники. – Как-то всё ненасыщенно что ли. Без сбоев.

– А сбоев и не должно быть. Процесс идёт, контора пишет, конвейер работает, всех принимаем, всех посылаем дальше по этапу. Чего в сторожке зря свет жжёшь, иль есть там кто?

– Кому там быть? Забыл выключить, – поспешил с ответом садовник.

Чиновники с чемоданами, вздыхая, пошли в направлении гостевого домика:

– Да, новая метла по-новому метёт.

– Были бы кости, мясо нарастёт.

– Костей предостаточно.

– Не стоит пока спешить с выводами.

Свет в сторожке погас сам собой, никто кроме садовника этого не заметил.

Глава третья

1

Секретарь прежнего начальника, ставший советником нового начальника, помаячив перед новым начальником решился доложить:

– Пришёл сигнал. Каркушина, которого мы отправляли обратно, помните?..

– Кто ж не помнит? – скривился новый начальник.

– Так вот, как и предполагали, не изменил своего поведения.

– Он и не мог его изменить, дураку было ясно.

– Велика вероятность, лишат свободы и посадят в тюрьму. Тюрьма – это у них там такие клетки называют – полная изоляция, ущемление всех прав и свобод. Непонятно, правда, зачем им права и свободы, если идут на преступления? Частично уже ущемили. Пришёл сигнал.

– Ущемили, значит, заслужил, – продолжил кривиться новый начальник.

– Обидно, – вздохнул советник. – Мы его оправдали, дали возможность исправиться, вернули, можно сказать, к исходной точке, а они нагло игнорируют все наши скрытые установки.

– Потому и игнорируют, что скрытые, – ответил начальник.

– Чайник, – вздохнул советник.

– Утюг, – уточнил начальник.

– Горяч, – согласился советник.

– Отморозок, – заключил начальник.

– Получается, они там нас ни во что не ставят. Мы его отпустили, дали шанс, а они этот наш шанс у него отбирают.

– Не у нас же отбирают.

– Не ими дадено, не им и отбирать. И не у него одного отбирают, доходят слухи, у многих местных чиновников тоже.

– Местным чиновникам мы тоже давали шанс? – удивился новый начальник.

– Местным чиновникам не давали. У них свои шансы, полный набор шансов по их юрисдикции.

– Ну вот по их юрисдикции пусть и отбирают. Нам-то что?

– Всё бы так, только вот... тюрьма там – это не наш отстойник, где всё во благо и происходит очищение и многие другие радости. У них не происходит очищения. Разучились очищаться. На очищение отправляют сюда к нам. Тюрьма там, можно сказать, скользкая дорожка сюда к нам!.. Чиновников-то зачем сажать пачками? Чтобы потом к нам?..

Новый начальник резко изменился в лице.

– У нас своих хватает! Так уж и пачками? Кто сажает?

– Они же и сажают. Чиновники.

– Чиновники чиновников? Заговор какой-то.

– Неизвестно, что за изменения произошли в них с первых времен, и чего ещё от них можно ожидать.

– Задача, – задумался новый начальник. – Надо б наших чиновников как-то иначе назвать что ли, чтоб с ихними не перепутать, если придут.

– Модераторами? – предложил советник.

– Не слишком узко?

Советник развёл руками и пожал плечами.

– Пусть будут модераторами, значит так на роду написано быть со временем всем чиновникам модераторами, – согласился начальник. – А решает пусть искусственный разум. Теперь не спутаем, сообщи всем... модераторам. С Каркушиным решу лично.

В отличие от прежнего начальника новому начальнику не хотелось принимать решение с помощью монетки. Поэтому он выбрал другой способ: закрыл глаза, вытянул указательные пальцы рук, поворачивал руками перед собой и медленно направил пальцы навстречу друг другу.

2

Кирилл пытался найти выход из тёмной комнаты, измолтался, ослаб, ударился коленом о ножку стола, что-то сшиб, сам грохнулся об пол, повалив за собой часть мебели. Нашупав дверь, попытался открыть. Возможно, это была не та дверь и даже не дверь комнаты вовсе, а комод или шкаф. Стал шарить ладошками по стене в поисках выключателя.

«Сложно найти выключатель в тёмной комнате, особенно когда его нет» – прозвучал голос Ани, и тут же сверху отва-

лилась створка небольшого подвального окна. Капнуло светом, теперь можно было что-то видеть.

Двери открывались лишь у шкафов. В шкафах сразу же всё рушилось, поднималась пыль, попадались скелеты и кости. Кирилл срочно захотел в туалет. В отличие от выключателя туалет подвернулся сразу. Зашёл внутрь – пусто, нет унитаза, вообще ничего нет, чистый цементный пол. Вернулся к входу, проверил надписи: буквы «М» и «Ж». На месте. Ещё раз открыл дверцу с буквой «М» – чистый пол, нет унитаза! Собрался с мыслями, вышел из кабинки, подошел к дверце с буквой «Ж», прислушался, взялся за ручку, осторожно открыл – нет унитаза, пошарил ладонью там, где он должен быть.

– Зацементировали!.. Они что, решили, что я питаюсь манной небесной?.. – лицо Кирилла покрылось капельками пота.

Грянул засов, за дверью что-то стукнуло, Кирилл открыл глаза, первое, что увидел – унитаз в углу камеры.

– Я что, спал в туалете? – прошептал он.

В открытое окошечко просунули железную миску.

– Каша, манная, – сообщили за дверью.

3

Возле гаражей у дома Каркушина проходил следственный эксперимент без Каркушина. Полицейский с любительской камерой, подполковник полиции, полный чиновник Сергей

Михайлович и представитель обвинения опрашивали Веру с Миколой.

– Расскажите подробнее про тот день.

– Когда его голодного борщом кормили? – спросила Вера.

– Когда его видели здесь, возле гаражей, – уточнил подполковник. – Думаете, он хотел взломать гараж и угнать машину, но угнать машину не получилось, и тогда они решили взломать квартиру?

– Кирилл? – уточнила Вера.

– Что?

– Решили взломать квартиру Кирилла?

– Может, просто другую взломать не удалось?

– Ага, тогда, значит, свою, – согласилась Вера.

– Их там несколько было. Кто-то их спугнул, – задумался

Микола.

– Может, Каркушин и спугнул? – предположила Вера.

– Не вяжется. Давайте уточним, Каркушин был с ними?

– Был, но... Может, лично у него никакого злого умысла не было? – предположила Вера.

– Она всех защищает, – улыбнулся Микола.

– Может, лица, приметы какие вспомните? – спросил чиновник.

– Какие лица? Далекое было, попробуйте сами из окна что-нибудь разглядеть, – вздохнул Микола.

– Лица не местные, – сказала Вера.

– Бомжи, скорее всего! – предположил Микола, и чинов-

нику, понимая, что тот самый главный: – Вот здесь, возле этого гаража и крутились. Может, бомжей опросить?

– Мы пока вас спрашиваем. Что, много бомжей?

– Никак нет, – ответил подполковник, сверкнув взглядом в сторону Микола. – Отслеживаем. Появляются иногда пришлые. Всё под контролем. Мониторим.

– Я человек семейный – мало что знаю, – вздохнул Микола. – Своя рубашка, как говорится, ближе к телу, что там на стороне – не моего ума дело.

– Закрыто! – подергав замок гаража, сказал полицейский.

– Нужно брать постановление на обыск, чтоб произвести осмотр, – вздохнул представитель обвинения.

– Я сам «постановление на обыск» и пятое десятое, – отрезал чиновник и гневно полицейскому с камерой: – Меня-то зачем снимать?

– Подчистим потом, – заверил подполковник.

– Себя потом будешь подчищать!

– Взламывать будем? – вытянулся полицейский.

– Гараж-то пустой! – разочаровал всех Микола, отогнув полоску резины, закрывавшей щель.

– Угнали! – схватилась за грудь Вера. – Ещё одну угнали?

– Банда угонщиков! – с удовлетворением констатировал чиновнику подполковник. – Это потянет на... на...

– Да ни, какое на... одна пыль в гараже, столько паутины, веревки можно вить, – в очередной раз разочаровал всех Микола. – Тут машин отродясь не было. Тут и людей-то, на-

верное, не было лет сто, со времен майдана. Хотите сами побачить?

Перед отъездом группа следственного эксперимента ещё раз задержалась возле Веры с Миколой.

– Значит, договорились, выступите на суде свидетелями?

– Куда ж деваться?.. – вздохнул Микола.

– Есть ещё свидетели? – поинтересовался чиновник у полицейских.

– А надо?..

– Не будем мы с Миколой выступать против Кирилла свидетелями! – заявила Вера. – Мы и так вам всё рассказали.

4

– Каркушин, на выход, – скомандовал охранник, открыв дверь камеры предварительного заключения. – Вещи оставь, чего зря таскать?

Кирилла посадили в машину с решетками, напротив сел охранник.

– Опять с личной охраной, – усмехнулся Кирилл. – Платят нормально?

– Ну... – полицейский сделал неопределенное выражение лица.

– Надо же, платят за то, что охраняет человека, которому не платят, – задумался Кирилл. – Абсурд получается. Несостыковка. Вот скажите мне, я – свободный человек?

– Любой человек свободный, – остранинно ответил полицейский после осторожного обмена взглядами, – пока не угрожает обществу.

– Я угрожаю обществу? – спросил Кирилл.

Полицейский пожал плечами:

– Нам не докладывают. Возможно.

– А кто решает – угрожаю или нет?

– Суд. Вы что, ребенок?

– Я – ученый!

– Тогда понятно. В науке, значит, разбираетесь, в жизни – нет, – сказал охранник.

– Я ученый в своей области, на другое мне было жалко времени, – вздохнул Кирилл.

– Скоро времени у вас будет предостаточно, – усмехнулся охранник.

В зал суда Каркушина затащили волоком.

– Что происходит?.. Может кто-нибудь мне объяснить? Я свободный человек или нет? – возмущенно прокричал Кирилл, когда его запихнули за решетку. – Всем вам тоже за меня заплатили?.. Нельзя мне сюда, русским языком говорю, нельзя! Вам же потом хуже будет!.. Силой-то зачем? Посадили в аквариум, чтоб потом опять выловить на сковородку? Жил человек, никого не трогал. Знакомо, очень знакомо. И вы туда же. Вы же загоняете людей в тупик, в рамки.

– Распустились, потому и загоняем.

– Он что, с луны свалился?

– Рамки, между прочим, сделали из обезьяны человека.

Давайте уж быстрее кончать!

– Не надо из меня никого делать!.. – возмутился Кирилл.

– Итак, Кирилл Карлович, – перебила судья и, поведя головой, усмехнулась: – Каковы времена – таковы и имена. Итак, Кирилл Карлович Каркушин, вы обвиняетесь в попытке угона автомобиля, в порче чужого имущества, в сопротивлении сотруднику полиции.

– Кусается, – подтвердил полицейский.

5

Новый начальник Небесной Канцелярии выписывал круги по своему кабинету: – Не наломать бы дров! Это здесь у нас всё устойчиво и хоть трава не расти, а там... Кто его знает, что там?

– Главное подход, – поймав растерянный взгляд начальника, заверил советник. – Наш подход, наши принципы изначально чище.

– Чище чего?

– Чище всего.

– Выяснили причину, по которой чиновников сажают там в тюрьму?

– На месте выясним. С Каркушиным, кстати, всё выяснилось. Там есть один местный чиновник, он виноват.

– Чиновник виноват? Абсурд какой-то.

– И они так же считают, что Каркушин виноват. Предполагаю, чиновник действовал в корыстных интересах.

– Чтоб чиновник и в корыстных интересах?

– Сам удивляюсь, возможно, что-то напутали. На месте проверим. Где их носит?.. – советник выглянул в окно, во дворе тихо.

– По какому принципу подбирали? – успокоившись, поинтересовался начальник.

– У двоих уже есть опыт, их в первую очередь. Трех из инкубатора по принципу жребия, исключён любой субъективный фактор.

– Там, кажется, ещё был кто-то в прежнюю поездку?

– Садовник, бывший отлученный от дел, любимчик нашего бывшего, он-то его и отлучил, – подтвердил советник. – Неустойчив, не может работать в команде. Слишком судьбоносная миссия.

– Кто сказал, что миссия будет на нём?.. – возразил новый начальник. – Неустойчив должен быть там, где неустойчиво, тем более, если его бывший отлучил...

Вошла пятерка избранных: трое из инкубатора, двое известных ранее – юный чиновник, получивший во время прошлой командировки особые полномочия, и полный чиновник, которого этих полномочий лишили. Инкубаторские, начинающие новый цикл, выглядели одинаково – с одинаковыми улыбками, одинаковыми прическами, почти одинаковы-

ми чертами лица, соглашались на всё они тоже одинаково.

– Дам вам имена, – осмотрев прибывших, решил начальник. – Вам троим, инкубаторским – Саша, Серёжа, ты будешь Семён. Запомните и не перепутайте! Правильно, Семён, можешь ещё и записать, для надёжности. Ну, а вы двое, ты помоложе будешь Клим, постарше Константин. Напомните, у кого из вас в прошлую командировку были особые полномочия? – руки вытянули оба. – Ясно, один из вас был незаслуженно отстранен предыдущим начальством. Кто из вас потом был старшим группы, пусть и в этот раз будет старшим, но в этот раз все станут старшими советниками и всем достанутся особые полномочия! Чего скупиться на должности? Готовьте дырки для звездочек, там ваши звездочки всё равно никто не увидит.

Новый начальник Канцелярии задумался, подошел к скелетам доисторических животных:

– Кто знает, как называется увлечение, когда делают чучела?

– Таксидермист, – поспешил ответить советник. – Но для чучела нужно иметь шкуры, а не кости.

– Были бы кости, – махнул рукой начальник, вернувшись прошёлся мимо посланников: – Возможно, вы не самые талантливые и не самые способные, любой мог бы оказаться на вашем месте, но оказались именно вы, поэтому все лавры достанутся вам. Что ты там постоянно записываешь? – заинтересовался начальник у Семёна.

– Всё, что узнаю, записываю, – смутился тот, – всё новое записываю, веду дневник.

– «Веду дневник», – проворчал Константин. – Всё записывает. Для него всё новое. Больше внимания уделяет дневнику, чем всему остальному, – Константин попытался заглянуть в дневник.

– Всё тайное когда-нибудь станет явным, – улыбнулся на движение Константина начальник. – Творческая личность! Случается и среди инкубаторских, небольшой процент, но случается. Зачем-то значит нужно. Роскошь, от него может быть неожиданная польза. Перед отправкой с вами будет проведён инструктаж. Ничего нового скорее всего не узнаете, но хоть что-то.

6

Судебное заседание продолжалось.

– Этот ваш Каркушин не просто вор, он ещё и злостный вредитель! – заключил обвинитель.

– Протестую! Сейчас не тридцатые годы! – заявил протест государственный защитник.

– Протест принят! Сейчас еще только эээ... десятки! – согласилась судья.

– Мутные десятки, были лихие девяностые стали мутные десятки, – выкрикнули из зала.

– Попрошу тишину, умники! Продолжайте, – сухо кивнула судья.

– Так вот, обвиняемый поднял руку на имущество существа более слабого, не способного дать сдачи!

– Протестую! – заявил защитник. – Нельзя основывать обвинение на показаниях одного полицейского, пусть даже при исполнении.

– Один полицейский двух свидетелей стоит, протест отклонен, – ответила судья, – продолжайте.

– Не должно быть даже намека на попрание чьих-либо прав! – кивнул обвинитель. – Тем более покушаться на имущество более слабых. Посмотрите на это... на это беззащитное существо. Все её крики, угрозы, мольбы о помощи от беззащитности. Разве сжатые от отчаяния кулачки могут говорить об обратном? Так могут вести себя только дети. И что делает этот Каркушин? Он сначала пытается отобрать у ребенка машинку, а потом на глазах ребёнка эту игрушку разбивает, совершает преступление не только в отношении подзащитной, но и в отношении того, кто ей этот подарок сделал! Растоптаны чувства, попораны... попорано всё, ваша честь. И в этом плане обвиняемому нет оправдания. Чтоб другим неповадно было, в назидание... в общем, по полной, иначе не поймут.

– Почему я должен выступать «в назидание» другим? Крайним хотите сделать? – возмутился Каркушин. – И вообще, не так всё было.

– Подсудимый, вам слово не давали, – перебила судья. – Есть что добавить защите?

– Самый заурядный случай, самый заурядный обвиняемый. Не стоит такой заурядный случай возводить в ранг «попражнения прав», не тянет мой подзащитный на сакральную жертву, – пожал плечами защитник.

– Попросил бы без оскорблений. «Среднестатистический», «заурядный», умеете вы мотивировать, – проворчал Каркушин.

– Подсудимый, вам слово не давали, – осадил судья. – Тюрьма будет вас мотивировать. Подведём итог. Свидетели утверждают, обвиняемый был за рулем во время аварии. На лицо попытка угона, при отягчающих обстоятельствах, с алкогольным опьянением!

– Семь лет как минимум, – кивнул обвинитель.

– Подсудимый, разбирает любопытство узнать, зачем? – развела руками судья.

– Не помню, девушка понравилась... Поначалу. Кажись, – растерявшись, предположил Кирилл.

– Девушка или машина? – уточнил обвинитель.

– И то и другое, чего теряться-то! – выкрикнули из зала.

– Не помню, не в себе был, – растерялся Кирилл.

– Колдунья попутала, – побледнев, выдохнула София Фёдоровна, – со своей куклой и зеркалом. В тот момент всё и случилось. Не надо было к ней заходить.

– У вас что раздвоение личности, «не в себе был»? – удивилась судья.

– Настаиваю на психиатрическом обследовании!.. – обра-

довался защитник. – Появилась необходимость убедиться в психическом здоровье обвиняемого, вы ж, видите.

– Не надо никаких обследований! – взмолился Кирилл. – Не хочу больше в психушку.

– Что значит «не хочу больше», вы что, там уже были?! – удивилась судья.

– Да, то есть не знаю... не уверен, может быть...

– Что?! Заседание суда откладывается до прояснения новых обстоятельств! – заключила судья.

– Чем больше живу, тем больше поражаюсь! – расширила взгляд София Фёдоровна. – Когда это он успел?..

– Мам, я уже ничему не поражаюсь, – ответила Аня.

– Как я тебя понимаю!

– Что значит «заседание откладывается»? – вспыхнула потерпевшая. – Я не могу себе больше позволить расслаживаться здесь с вами, моё время слишком дорого, чтобы тратить его на какого-то алкоголика. Вы ж обещали!.. Вам что, мало платят?

– Кто ж знал про психушку? – развел руками представитель обвинения. – Против психушки мы почти бессильны.

– Значит, психам можно всё, а мне... а моя любимая машина...

– Надо ещё определить, что он псих.

– Кто будет определять?

– Комиссия, специальная медицинская комиссия. Могу вас заверить, ещё неизвестно, что лучше: тюремное отделение дурдома или тюрьма. Его судьба от него больше не зависит.

– Она и так от него не зависит!.. А от кого зависит?

– Я и говорю... От нас, только от нас. И от судебной комиссии.

– Он не выйдет оттуда!..

7

И снова машина с решетками, теперь уже с двумя охранниками.

После ночных кошмаров и судебного заседания Кирилл отключился, под гулкую монотонную работу механизмов сладко уснул. Когда сделалось тихо, распахнул глаза. Никого. Задняя зарешёченная дверь раскрыта. Жужжание мух да дуновение ветра.

В проём двери осторожно просунулись два существа. Одно в рваной поношенной одежде с дырявым зонтиком; другое в тунике защитного цвета, в очках с толстыми линзами, со связкой ключей, которой, наверное, и открыли дверь.

– Садимся? – спросило одно существо у другого, поставив в проём чемодан.

– Не нравится мне здесь, – скривилось существо в обносках.

– Тогда теперь твоя очередь нести чемодан. Руки отвали-

ваются.

– Не отвалились же.

– Эй, вы кто? Сюда нельзя!.. – замахал руками Кирилл.

– Смотри и он здесь! Сразу как-то не заметила. Ты заметила?

– Нет, конечно! У меня от такой свободы до сих пор голова кружится.

– Давай представимся, раз нас не узнали.

– Кто первым? Я?

– Нет, я!.. Мне по статусу положено, в кои-то веки со жребием повезло.

– Думаешь, это везение? – скривилась существо в тунике.

– Подеритесь ещё, – наблюдая за поведением парочки, усмехнулся Кирилл.

– Не перебивай!.. Хорошо, представляйся, больно надо.

– Сейчас только одежду расправлю, – существо в обносках разгладило лохмотья, гордо подняло подбородок, выставило ногу вперед. – Значит так: у меня, конечно, много имен, но больше всего мне нравится, когда меня зовут – свобода!

– Ничего себе кликуха, да?.. Всё?.. – усмехнулось существо в тунике, в нетерпении отодвинув подругу.

– Всё, – расстроилось существо в обносках. – Паузу надо было выдержать. Помешала.

– Потом выдержишь. Навыдерживаешься ещё. Теперь моя очередь!.. Не хочешь угадать с первого раза, как меня зовут? Кирилл пожал плечами.

– Вообще-то меня тоже могут звать по-разному. Из последних мне больше нравится – дорожная карта! Не удивлюсь, если завтра кто-то из новых спонсоров даст другое имя.

– Тирания? Уголовный кодекс? – попытался предположить Кирилл.

– Странный человек, любое сказанное им слово, ему же во вред, – пожала плечами назвавшаяся дорожной картой.

– Ему, действительно, лучше молчать, – согласилась назвавшаяся свободой.

– Тогда, может... «демократия»? – попробовал реабилитироваться Кирилл.

– Демократия как и любовь – два понятия, которые постоянно с чем-то путают. А потом, эти понятия чаще всего используют для оправданий, неустойчивые понятия, – отмахнулась дорожная карта.

– Seriously? – удивилась свобода.

– Не знала? Настоящая демократия может быть только в Америке, как настоящий коньяк только во Франции. Всё остальное они не признают.

– А он знает, нет?

– Знают избранные.

– Я б тебя ни с чем не спутала, тебя ни с чем спутать невозможно.

– Это рядом с тобой невозможно!..

– Мои слова потому мне во вред, потому что каждый в них

пытается увидеть свой смысл, а не мой, – попытался вставить своё слово Кирилл. – Загоняют людей в рамки.

– Без рамок нельзя! – сообщила дорожная карта. – Вот представь – вода в сосуде. Если сосуд удалить, вода выльется и испарится.

– Или просочится в землю! – подтвердила свобода.

– Ну, или-или. Так же и с остальным.

– Круговорот воды в природе.

– Конечно, человека нужно судить по законам, которые он сам для себя создал, в идеале, но многие из вас несовершенны, поэтому законы создают для всех сразу скопом. Зачем париться? По законам, которые человек сам для себя создал, судят только избранных, чаще всего художников.

– И то не всех. Когда те становятся национальным достоянием, чаще всего, когда этих художников уже нет в живых.

– И даже судят не их, а их произведения.

– Да, но судят-то те, кто ставит себя выше закона, – возразил Кирилл, – загоняют людей в рамки и судят. Поэтому невиновный, то есть я, в их глазах становится виновным, и любые доказательства обратного бесполезны.

– Вот это несправедливо, согласна! – подтвердила свобода.

– Время рассудит, – махнула рукой дорожная карта. – Хватит философствовать! От философии становится скучно, сразу хочется зрелищ.

– И хлеба!

– Зрелищ и хлеба!

– Хлеба и зрелищ!

И оба существа стали прыгать, приплясывать, хлопать друг друга в ладони. Кирилл огорчился, начав играть, парочка перестала обращать на него внимание.

– Время – это секунды, минуты, года. Не хочу превращать время, жизнь в судилище. Хочу просто жить, а не выяснять отношения с разными там обвинителями, судьями, адвокатами, разбирающими мою жизнь по косточкам, считающим, что они и есть высшая инстанция, а я лишь пустое место, которое можно перемещать туда-сюда, куда захочется, и даже, может быть, вообще удалить. «Время рассудит». Не рассудит! Время вообще не судит, время отсеивает лишнее. Оставили бы меня в покое, дали бы пожить, как хочу.

– Во, завернул! – восхитилась дорожная карта.

– И как же ты хочешь пожить? – поинтересовалась свобода.

– Ну, не хуже других, – ответил Кирилл.

– Ты и так живешь не хуже других, что тебе ещё надо?

– Хочу, чтоб меня не трогали!

– Иммунитета не хватит выставить такую защиту! – ответила дорожная карта. – Вот вы все кричите о свободе, что вас ограничивают и так далее, и даже не осознаёте, что сами понятия «жизнь» и «свобода» появляются там, где есть ограничения, на границах этих ограничений. Полная свобода, отсутствие правил и ограничений делают любую жизнь

практически бессмысленной, – заключила дорожная карта и красноречиво посмотрела в сторону своей спутницы.

– Ну чё, пойдешь с нами? – спросила у Кирилла свобода.

– Куда?

– На свободу, чужак-человек. Струсил? Внушают себе, что тот, кто посадил, тот и должен освобождать. Тот да не тот, никто никому ничего не должен.

– Ничего я не струсил. Просто... я уйду, а проблема останется. Меня будут разыскивать, доставать близких. Надо сначала решить проблему, чтоб она не создала новых проблем, а не бежать от неё.

– Как ты её собираешься решить?

– Ты и проблему заведи с собой, – предложила свобода.

– Ты чё, зачем нам лишние проблемы? – толкнула подругу дорожная карта.

– Не надо? А если его лишат свободы? Вон уже частично лишили. Слушай, если пойдешь с нами, это не значит, что ты струсил и совершил побег, ты просто уйдешь и забудешь о своей проблеме.

– Поменяешь имя! Вот как мы, меняем имя как перчатки.

– Ничего я не хочу менять, хочу решить свою проблему и добиться справедливости!

– Где ты её видел, эту справедливость? – удивилась дорожная карта и в сторону подруги: – Не видела, нет?

– Нет.

– В следующий раз будешь справедливостью, пусть доби-

вается.

– Следующего раза не будет, даже погулять с нами не захотел, – обиделась свобода.

Дверь машины со скрипом захлопнулась и уже за дверью:

– Надо же, не выбрал свободу.

– Не слишком ли ты о себе высокого мнения?

– Проблему ему, видите ли, нужно решить. Иногда нужно что-то похоронить, чтоб в вырытой могиле найти клад.

– Иногда нужно что-то потерять по мелкому, чтоб потом не терять по-крупному.

– Он сейчас что-то теряет?.. по-мелкому или по-крупному?

– Какая разница? Будет хорошо себя вести, отпустят по амнистии. Держи, теперь твоя очередь тащить чемодан.

8

У особняка Канцелярии виселись фигуры в капюшонах, вокруг фигур, не смотря на знойный солнечный день, кружили ночные бабочки. Вдали по горной тропе поднималась вереница депортируемых, вдоль их пути тоже стояли фигуры в капюшонах.

Пятеро посланников вышли из особняка, взглядом из-за занавески их проводили новый начальник и советник.

– Как он тогда убежал? – спросил начальник.

– Кто?

– Кто-кто... Тот, кто не умеет работать в команде.

– В багажнике, – сообщил советник.

– Не будем препятствовать и в этот раз, нет доверия к этим инкубаторским.

Преподаватель чинно вслед вошёл за посланниками в класс. Посланники рассматривали плакаты скелетов доисторических животных и человека.

– Значит, пятерых в этот раз отправляют? Хорошенькое дело, – обрадовался преподаватель. – Что ж, проведём переподготовку по ускоренной программе!.. Скажу честно, ничего не понимаю в вашем предмете. Так ведь никто ж не понимает! Был здесь один до меня, тот мог бы кое-что сказать – подглядывал у Судьбистов за фантомами женщин, узнали, отвели в отстойник... Когда нет знаний, всегда пытаюсь выстроить логику, в вашем случае логика не работает. В общем, там, куда вы направляетесь, за нарушение законов сажают в клетки, совершая насилия, противоречащие всему, что должно поддаваться логике. Что, собственно, и ждет того, кого вам надлежит спасти, и тамошних чиновников, у них тоже незавидная участь. Мне б легче про их телесное устройство, – признался преподаватель. – Знать бы, что их делает похожими?

– Деньги!.. любовь к деньгам их делает похожими! – сообщил Константин. – Я был в теле одной торговки.

– Знаю, – обрадовался преподаватель, – тело и сейчас под забором лежит!

– Видели?! Оно самое, – подтвердил Константин. – Извневременья сбросили. И ещё, как его... этот... инстинкт!.. инстинкт тоже их делает похожими. От него они защищаются с помощью сковородки!..

– Мы подглядывали, – подтвердил Клим.

– Верю, – с готовностью согласился преподаватель, – охотно верю! Ваш опыт бесценен. Что касается тамошних чиновников, тут логика совсем тупит. Доходит информация, что им там дарят подарки. Чиновники и подарки – где логика? Таковы мои скромные познания, скорее даже не познания, а так, косвенные наблюдения, прозрения. Тут у меня брошюрка одна завалилась, изъята у одного депортируемого, вот, «Моральный кодекс строителя коммунизма», можно через неё попробовать что-то понять. Есть ещё одна толстая книга, слишком толстая и слишком ветхая, на ней так и написано «ветхая» кажется, не стал брать, боюсь развалится.

– Судя по всему, они как будто идеальны, – выходя из класса, задумался Семён. – Как-то не вяжется.

– Не поддается логике, – согласились Саша с Серёжей.

– Войдёте в их тело, сразу всё свяжется, – сыронизировал Константин. – И про логику забудете. Как вспомню пребывания в теле той особы...

– Нам повезло, вы такой опытный!.. – восхитился Саша.

– Чем, говорите, она занималась? – поинтересовался Серёжа.

Саша с Серёжей были настроены на одну волну, начинал говорить один, подхватывал другой, так и говорили поочередно, друг за другом, чаще по одному предложению.

– Торговка, обыкновенная торговка цветами, – ответил Константин.

– В этот раз будем входить в тела себе подобных! В тела чиновников, – улыбнулись Саша с Серёжей. – Столько интересного впереди!.. Посмотрим, как они там живут! Может, позаимствуем что из их опыта?

9

Припарковав машину возле многоквартирного дома, блондинка поспешила в подъезд. В квартире её ждал Сергей Михайлович, чиновник, проводивший следственный эксперимент.

– Сколько можно? – проворчал он при появлении подруги.

Раздался звук дрели.

– Сколько эти уроды будут сверлить? – вспыхнула блондинка. – Все мозги высверлили.

– Говорил, давай куплю в старом фонде, ты ж не слушаешь. Только в новом, только последней постройки.

– Как дура целый день убила в суде! Кто обещал решать все мои проблемы?

Мужчина хотел ответить, потом хотел ещё добавить, потом передумал.

– Есть что пожрать?

– Есть, – обрадовалась блондинка. – Чуть не забыла, специально для тебя приготовила. Просил домашней еды...

– Что это?

– Тю! Сосиски в тесте, – ответила блондинка. – Не из палатки, там плохие, всё сама специально для тебя сделала!.. Купила лучшие сосиски, замешала тесто в хлебопечке, поставила режим «пицца», так сама решила, взяла тесто, разделила его на шарики, потом обкрутила тесто вокруг сосисок и в духовку. Зацени. Всё сама. Только о тебе и думала, когда готовила. Опять что-то не так?

– Пробовала?

– Нет ещё.

– Попробуй!

– Забыла слюду с сосисок снять, – попробовав, вздохнула блондинка. – Сосиски в гондоне... ничё так...

– Говоришь, обо мне думала?

– Подстава. Слюда должна была быть съедобной. Изображают из себя приличный магазин. В общем, сосиски отдельно, тесто отдельно, раздельное питание даже полезнее.

– Может тогда?.. – мужчина кивком указал в сторону спальни.

– Подарки надо себе позволять, когда сделаешь что-то полезное. Твои слова, – ответила женщина.

– Ты ж сделала полезное.

– Теперь твоя очередь.

– Дай тогда выпить что ли, – расстроился мужчина.

Блондинка выбрала в баре самую большую бутылку, что-то подсказывало, принятие решения в её пользу будет долгим. Покопавшись в холодильнике, принесла тарелку с двумя рыбинами.

– Что это?

– Закуска, вобла со вкусом соли... Может, тогда в ресторан?

– Раз без подарков, так без подарков, ресторан – тоже подарок.

– Когда это ресторан стал подарком?.. Если тебя посадят...

– Что?!

– Послушай мою мысль до конца!

– Никаких мыслей! Что ты несёшь?

– Можешь до конца послушать?! Если тебя посадят, тебе будет позор не от того, что тебя поймали, а оттого, что в твоей квартире по сравнению с другими найдут мало денег, – почти по слогам сообщила блондинка. – Я бы от стыда сквозь землю провалилась. У других знаешь, по сколько находят?

– Слышал. Пообещай, что ты меня никогда не предашь. Если ты меня не предашь, я тебя тоже не предаю.

– Тю! Обещаю. Слишком много вокруг предательств.

– Это ты о чем?

– Кто-то все равно начинает первым, раз столько предательств.

– И что?

– Не могу я сейчас ни о чём думать, – расстроилась блондинка. – Этого уroda отправили в психушку, вопрос не решен. Дело принципа. Мужчины не должны прощать оскорблений своих дам. Нонсенс.

10

За пригорком у опушки леса природа разжигала рассвет. Со стороны зарева по полю полз туман. Не смотря на теплоту красок, дуло прохладой. У входа в особняк Канцелярии загорелся свет.

– Быстрее давайте, от Судьбистов пришло подтверждение худшего, – подгоняя посланников, сообщил начальник Канцелярии, попридержав секретаря, спросил: – Садовник здесь?

– Под навесом стоит, прячется, – тихо ответил секретарь. – Вечером притащился по бездорожью с мешком один без чьей-либо помощи, весь в пыли, никуда не зашёл, всю ночь проторчал под навесом.

– Упрямец! Что у него в мешке?

– Обыскивать будем? – усмехнулся советник. – Яблоки скорее всего, всё равно их никто не ест.

– В лучшем случае, обратятся в прах, – усмехнулся начальник. – Открой незаметно багажник, чтоб залез.

– Велика честь. В прошлый раз сам залазил. При открытом багажнике не полезет, заподозрит.

– В прошлый раз багажник точно был закрыт?.. Давай отойдем в сторону, чтоб не пялиться на машину.

Советник обвел взглядом окрестности:

– Синеющие леса как синие моря в далеких палестинах!

– От такого холода не только леса посинеют, – проворчал начальник.

– Тут ночью... стоит ли говорить ли перед отъездом?..

– Не тяни и так холодно.

– Двух посланников из инкубаторских скрытно вызывали к себе Судьбисты.

– Зачем вызывали?

Советник пожал плечами.

– Почему не выяснил? – разволновался начальник.

– Заподозрят, потому и не выяснил. Что-то не так?

– Чтоб без меня больше ни одна муха, – пригрозил начальник. – Ты-то куда?! – добавил он, схватив за рукав преподавателя, бросившегося вслед за посланниками.

– Донести до отроков последнюю крупицу знаний. Перед концом, как говорится, не надышишься, – неестественно громко прокричал преподаватель.

– Не такие уж они и отроки, – ответил советник, спохватившись, полез за пазуху, достал оттуда стопку бумаг: – Чуть не забыл, всю ночь писал! Шесть экземпляров заявок одинаковых с указанием места, куда едут и пользовательские соглашения. Судьбисты с толку сбили, недооформил чуть. На-

до бы в бардачок машины положить, чтоб не было сбоев во время поездки.

– Ты мне говоришь? – пожал плечами начальник.

– Ещё б нацарапать код ржавым гвоздём, какой-то персональный, тот же, что и в прошлый раз, не стоит экспериментировать, где-то там под пятым колесом машины, не успел.

– Чего стоишь? Иди, царапай свой код, – кутаясь в плед, приказал начальник. – Всё в последнюю очередь! Есть гвоздок-то?

– Полно.

– Ржавый?

– Ржавей не бывает.

Машина Канцелярии стояла вдалеке на пригорке, внизу висел туман. Посланники, устремившись к машине, походили на поплавки в тумане. В стороне, пытаясь к ним приблизиться, нырял и выныривал преподаватель.

– Хочу донести до вашего сведения, дорогие мои, – далеким эхом неслись к особняку слова преподавателя, – старайтесь меньше говорить правды о них, иначе они будут стесняться жить в вашем присутствии. Правду при себе держите, слышите?.. И не хвалите их слишком, похвала сужает рамки их поведения в вашем присутствии. Если слишком хвалить, могут избегать общения, или наоборот будут навязываться, что тоже нехорошо. В общем, не знаете законов, создавайте образы и действуйте в их соответствии, по законам образов.

Главное результат. Образы даже надёжнее, устойчивее знаний. Эх, мне бы с вами... И меньше давайте оценок. В общем, понятно... – и уже про себя: – Надо же, машина казалась так близко, столько иду, словно на месте.

Преподавателя, конечно же, никто не слушал. Семён подпрыгивал от непонятно откуда взявшегося восторга. Саша с Серёжей, задрав головы и раскинув руки, кружились по поясу в траве и тумане, потом стали нырять в туман с головой. Клим с Константином о чём-то шептались между собой.

– Конечно, работать надо с тем, что есть, а не с представлениями Канцелярии, мы ж не догматики, – преподаватель предпринял попытку кого-то ухватить за рукав, но тот вырвался. – Хотя, кто знает, возможно, наши представления правильные, даже если они и неправильны. Они всегда правильны, если не выходить за пределы Канцелярии. Если столкнетесь с другой реальностью, не с той, о которой мы вам здесь рассказывали, не паникуйте, иначе может произойти слом в сознании из-за несоответствия реальности вашим знаниям или ожиданиям. Действуйте по обстоятельствам, забудьте про всё, чему вас учили. То, что обнаружите, то и следует считать правдой!.. Примите это как догму. Спросите, зачем тогда учиться?.. – преподаватель не договорил, поскользнулся, поднялся, стал стряхивать грязь. – Учителя нужны, без них никак, опосредованный опыт и всё такое. Учителям, между прочим, тоже нравится учиться, некоторым даже больше, чем учить. Хотя, конечно, важно нести

знания, если они есть.

Преподаватель вынырнул возле машины Канцелярии. Та стояла в пыли, заляпанная отпечатками ладоней. Из любопытства преподаватель попытался приложить свою ладонь к отпечаткам.

– Практическое исследование, никакого другого умысла не имеющее, – устыдился он, увидев инкубаторских. – Похоже, с прошлой поездки не мыли. Хоть бы помыл кто?

– Пыль веков. Насобираем ещё по дороге, – отмахнулись Саша с Серёжей.

Советник, остановившись у пятого колеса машины, высыпал на ладонь щепотку ржавых гвоздей, задумался: – Что значит «обновить» код? Новые или старые цифры царапать?.. Может, новые какие?..

Садовник не сразу вышел из тумана. Сначала появилось его лицо. Понаблюдав за советником, решил подойти, что-то сказать. Советник сделал вид, что садовника не заметил, наспех обновил код ржавым гвоздком и со стеклянным взглядом шагнул в сторону, следовало ещё положить в бардачок экземпляры заявок. Когда советник вернулся к особняку, туман почти рассеялся, вокруг начальника уже толпились другие чиновники, тоже кутались в плед. Машина на пригорке тряслась и тархтела, из всех щелей её валил дым.

– Не хотят они модераторами называться, – указав на стоящих рядом чиновников сообщил начальник. – Косность мышления. Не пробьёшь. Наверное, не одно поколе-

ние должно смениться, чтоб название прижилось. Что там происходит, чего они медлят?

– Камнем что ли в них бросить? – предложил один из чиновников.

– Подождём, – отвел рукой начальник. – Опыта у них маловато.

Машина Канцелярии скрылась в клубах дыма, внутри стало стрелять и вспыхивать, потом стихло. Когда дым и туман рассеялись, на пригорке осталась фигура одного учителя. Лицо учителя в слезах и саже растерянно улыбалось.

Глава четвёртая

1

Ломая ветви вековых деревьев, машина Канцелярии с треском опустилась на поросшую папоротником землю. По кузову пробежали искры, сверху посыпались сухие листья и хвоя. Оправившись от перегрузок, посланники стали приходить в себя.

– Куда это мы попали?

– Старый конь борозды не испортит, – металлом отозвалась машина.

– Какое-то упрямое желание спускаться в этот лес с этим болотом! В прошлый раз так же было, – возмутился Константин.

– Хорошо хоть сюда, место знакомое, – вздохнул Клим.

– Что показывает Локатор? – Константин полез к приборам. – Надеюсь, Локатор с прошлого раза чинили, после того как он из панели приборов вывалился?

– Я тоже надеюсь, – ответила машина.

– Где мы?

– Рядом с «Москва», – сообщил компьютер машины.

– Надо же, говорящей версией компьютера оснастили! – обрадовался Клим.

– Версия 2.0. с полным пакетом обновлений! – подтвердил компьютер.

– Наш объект здесь! – рассматривая записи в блокноте, сказал Семён.

– Здесь да не здесь. На время глянь, умник, – указал Константин, и уже в микрофон на приборной панели. – Что такое «Москва»?

– Не ори! Не глухая! – свистом отозвалась машина. – Компьютер догружает обновления.

– Москва – мелкое приграничное поселение Суздальского княжества. Суздальское княжество – окраина Киевской Руси... Восстание волхвов... – стал выдавать порциями компьютер машины.

– Ясно! – нажав на кнопку, сказал Константин. – Показатель времени точен.

– Волхвы – те, кто предсказывают будущее? – поинтересовался Семён. – Почему тогда предсказатели будущего восстали, будущее не понравилось?

– Умник! – сверкнул взглядом Константин. – Вместо того, чтоб спрашивать, попробовал бы сам разобраться. Проблема в том, что Москва сейчас – мелкое поселение, главным городом русского государства является Киев, а нам надо в главный город русского государства в Москву! Тупик.

– Свихнуться можно, – согласился Саша.

– А Суздаль тогда что? – осторожно поинтересовался Серёжа.

– Очнулись! Утрясло что ли? – усмехнулся Константин.

– Есть маленько, – смутился Саша.

– Что Суздаль? Суздаль – музей!

– Может, тогда рванем в Киев, раз здесь мелкое поселение? Чего зря мелочиться? – предложили Саша с Серёжей. – Киев город главный!

– Город главный, – сканируя Локатором, зашуршал компьютер. – Найдено... Лондон, Париж, Рим, Константинополь, Афины, Александрия, Багдад, Дели, Наньцзин...

– Почему нас постоянно забрасывает именно сюда? – задумался Клим.

– Рим и Константинополь тоже были основаны на крови, – с жаром выдохнула машина.

– Опять шифруется. Третий Рим говоришь? – проворчал Константин.

– Я этого не говорила, заметьте, это вы сами, – ответила машина.

– Сначала время перепутала, теперь...

– Не путала я время! – рывкнула машина. – Сплошные претензии. Начавший с претензий претензиями и закончит. Вылазьте! Вы меня раздражаете. Перегрузили, код прежний ввели, на вирусы не проверили, права качают. Надо ещё уточнить ваши права, может, вообще без прав?

– Чего она бормочет? Кто это без прав?..

– Выметайтесь! Пока не остыну, с места не сдвинусь.

– Может вылезем, погуляем в отсутствии контроля Канцелярии? – переглянулись Саша с Серёжей.

– Легко, – согласился Клим.

– Накопила собственной значимости пока бездельничала, – огрызнулся Константин, но тоже спорить не стал, вылез.

– И этого с собой забирайте! – сверкнула фарами машина. Крышка багажника откинулась и оттуда в клубах дыма катапультировало садовника.

В косых лучах вечернего солнца посланцы разбрелись по лесу. Изучая грибы и растения уполз в листки папоротника Семён.

– Вмешательство Канцелярии было и до нас, раз её постоянно сюда забрасывает! Скрывают от нас что-то, – задумался Клим.

– Подозрительно потом как-то разрослась эта деревня. Используют высших чиновников Канцелярии вслепую, как слепых котят, – согласился Константин и, повернувшись, получил удар дубиной в лоб.

Кони вздыбились, наткнувшись на невидимый барьер. Произошло осыпание отдельных цветов, предметы стали менять цвета, искажаться в размерах, потом вроде бы всё встало на свои места. Княжеская дружина унеслась вдаль, а Константин, сидя на земле, тёр лоб.

– Нет, ну ты видел?.. – чуть не плача исторг посланник. – Повторяется, теперь я подвернулся. Ничего такого вроде бы не говорил...

Отвернувшись, Клим попытался скрыть непослушную улыбку.

– Почувствовали за своего что ли, раз уж здесь был? Почему я? Защита пробита, – простонал Константин.

2

Дружина князя спешила.

– Чуть из седла не вышибло, будто на невидимый барьер наткнулся, – смутился князь Юрий Долгорукий. – Виденье огромного чудного зверя на миг явилось и всё затмило.

– Зрели, как твою лошадь занесло, – подтвердили дружинники.

– Что бы это могло быть?.. Ты философ, тебе и объяснять, – сказал князь вставшему рядом греческому философу.

– Объясню. Опиши-ка ещё раз в точности, что померещилось.

– Узрел зверя. «У зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов. Чудесный зверь затем растаял, исчез, словно туман утренний».¹ К чему это?

– А к тому, князь, что встанет тут «град превелик треуголен», раз три головы, – поразмыслив, заключил греческий философ. – И распространится вокруг этого града царство великое. А пестрота шкуры звериной означает, «сойдутся сюда люди всех племен и народов».²

– Вон и поселение, – усмехнулся князь, выехав на обрыв

---

¹ Цитируется в летописях

² Цитируется в летописях

холма. – Стоит. Не град, конечно.

– Вятичи и кривичи тут проживают, – сообщил десятник. – Были мы здесь прошлым летом. Кто Кучковым зовет, кто Москвой обзывает. Владения одного местного зазнайки Кучки! Дыра дырой, а корчат из себя незнамо что.

– Холмы, слиянье рек, неплохо расположились! – улыбнулся князь. – Хороша защита на границе с новгородцами будет, если по уму всё выстроить. Как говоришь называется?

– Теперича вроде Москвой, по-старому – Кучково. Людей разных племен и народов тут и сейчас много. Беглые да несогласные сюда сходятся, много из наших владимиристо-суздальских, язычников много.

– Москва значит, – задумался Долгорукий. – Торжок, пожалуй, поболее будет. Деревня, большая деревня.

– Держи ухо остро! – кивнул дружинник.

Пришпорив коня, князь с дружиной стали спускаться к частоколу, окружавшему селение. Ворота при их появлении заскрипели и закрылись на засов.

– Откудова будете? – донеслось со сторожевой башни.

– Что знамя ангела нашего князя Георгия Победоносца плохо видно? Князь Юрий Долгорукий с дружиной, открывай!

– Мать честная, Долгорукий!.. Это ж тот, который норовит всё к рукам своим длинным прибрать, – зашептались по ту сторону ворот.

– Всё – да не всё, но своё не упустим, – усмехнулся воевода князя. – Не заставляй долго ждать, открывай!

– Места у нас глухие, не ровен час... – посыпалось с лестницы смотровой башни.

– И слепые как погляжу! Князь я ростовско-суздальский, открывай, сучье племя! – потребовал Долгорукий.

– Не кричи, мономахово племя, – ответили за частоколом. – Погодь, говорю, маненько, сейчас придет Степан Иванович, послали уже. Время-то какое, сам знаешь. На перепутье стоим, невольно задумаешься, кому подчиняться: Киеву, Суздалию, а может Новгороду, ха-ха, или повременить с подчинением-то, объявить себя вольным городом?

– Вы в подчинении у князей Рюриковичей, – указав на князя, прокричал воевода. – Вот он, Рюрикович!

– В Киеве тоже Рюриковичи. Погодь, говорю, уже на подходе Степан Иванович.

– Кто такой Степан Иванович, что его сам князь дожидаться должен? – удивился воевода. – Видано ль такое? Кто-нибудь знает, кто такой Степан Иванович? Ты знаешь? А ты?

– Нет, никто не знает! – ответили в дружине.

– Я тут в прошлом году останавливался, не он ли мне медовуху подносил? – усмехнулся десятник, чем рассмешил дружинников.

Двери ворот скрипнули, показался всадник, приблизился.

– Степан Иванович велел передать, нет мест в хоромаш. Оказия такая, значит, как специально вышла: свободные хо-

ромы недавно разобрали, теперича заново отстраиваем. Ехали б лучше в Суздаль, али совсем в Киев.

– Дерзить вздумал? Куда ехать без тебя знаем! Зачем хоромы разобрали, когда земли вокруг и так много? Построили б новые, потом старые бы разбирали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.